

**Жаклин Бэрд
Ювелирная работа**

Серия: *Греческие магнаты* – 2

OCR: Lovely; Spellcheck: Марьяна

*«Ювелирная работа»: Радуга; Москва; 2008
ISBN 978-5-05-006855-2*

Аннотация

Греческий миллионер Маркус Коварис с помощью шантажа делает Элоизу Смит своей любовницей. Однако гордая, независимая девушка вряд ли согласилась бы на такое, если бы не любила Маркуса.

Жаклин Бэрд Ювелирная работа

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Кажется, я отбил из-за линии?

– К сожалению, да, Тед, – посочувствовала Элоиза, зеленые глаза которой, тем не менее, светились невинной веселостью.

Девушка задорно тряхнула головой, и ее золотисто-медные кудри соскользнули за спину, обнажив точеные плечи.

– Так и знал! – зло ударил себя ракеткой по бедру Теодор Чарлтон. – Но однажды фортуна изменит вам со мной! – по-американски экспрессивно предрек незадачливый соперник. – Черт возьми, вы отличный партнер, Элоиза! Хотя с моей бывшей мне больше везло... в игре... до поры... – поникнув, пробормотал он.

Казалось, Тед рассказал Элоизе уже все о своей жене и о разводе с ней, как вдруг она узнает такую милую подробность!

Элоиза с пониманием относилась к разглагольствованиям брошенного супруга, бывшая спутница которого оставила его ради молодого любовника.

Возрастом под пятьдесят, с виду далеко не Адонис, он не считал зазорным выжимать слезу соболезнования из жизнерадостных глаз молоденькой девушки. Впрочем, до последнего времени и Элоизу это не утомляло. Она пребывала еще в том возрасте, когда лишние знания о частностях из жизни близких и друзей не обременяют.

– Тренируйтесь, и у вас все получится! – весело заверила его медноволосая барышня. – Вы слишком остро воспринимаете свои поражения. Что касается вашего развода, то этот случай давно описан во всех хрестоматиях.

– Я знаю, что становлюсь старым занудой, ипохондриком. Это неуместно в вашей компании, милая леди.

Милая леди неопределенно пожала плечами и очаровательно склонила головку набок, не опровергая его слов.

– У вас была впечатляющая жизнь, мистер Чарлтон. Хотела бы я испытать половину того, что выпало на вашу долю, – задумчиво произнесла девушка, настраивая его на иные темы, более возвышенные, более захватывающие.

– Такая обворожительная и юная особа, как вы, не должна сомневаться в том, что мир с легкостью откроется перед ней. Приложите минимум усилий со своей стороны, и это не замедлит случиться. Я лишь смею надеяться, что вы позволите мне стать вашим проводником, так сказать, опытным советчиком и наперсником. Такому старому эгоисту, как я, хочется почувствовать свою сопричастность вашим будущим успехам, – старомодно изъяснился Теодор Чарлтон, по ходу дела припоминая, как следует флиртовать с молоденькими девушками...

Их отношения давно вышли за рамки переговоров о заключении инвестиционного контракта его металлургической корпорации с «Кей-эйч-и» молодой и процветающей дизайнерской компанией, занимающейся производством элитных ювелирных украшений, которую учредили Элоиза и двое ее друзей.

Кэти и ее супруг Харри, партнеры Элоизы по бизнесу, отказывались понимать мотивы взаимного интереса, вспыхнувшего между художественно одаренной девушкой и пожилым бизнесменом. Но эти неофициальные встречи делали Элоизу счастливой. А Тед ценил минуты их общения на вес золота.

– Это очень великодушно с вашей стороны, мистер Чарлтон, – с чувством искренней признательности произнесла Элоиза.

– Я устал просить вас, чтобы вы звали меня просто Тедом. И я категорически отказываюсь считаться великодушным. Что угодно, только не это дремучее слово, Элоиза. Вы и ваши друзья всего несколько лет в бизнесе. Я, стареющий делец, спешу приобщиться к перспективному росту вашей многообещающей компании. И я вдвойне счастлив оттого, что мне выпало общаться с такими замечательными молодыми людьми.

Фактически прорыв последнего времени стал в большей степени заслугой Элоизы, поскольку

ку ее подруга и компаньон Кэти была на седьмом месяце беременности, а Харри ведал исключительно финансовыми вопросами их деятельности. Основная миссия легла всецело на изящные плечи Элоизы, она и пожинала лавры от успеха новой коллекции.

– Когда я слышу похвалу из ваших уст, она представляется мне щедрым авансом. Если я принимаю эти комплименты, то лишь как заявку на будущие достижения, – церемонно поблагодарила его за высокую оценку Элоиза.

Ее слова не были дежурным проявлением вежливости. Она искренне восхищалась человеком по имени Теодор Чарлтон, который несколько десятилетий планомерно продвигался к вершине своей деловой карьеры. Он был общепризнанным образцом стабильности и надежности, о чем неизменно свидетельствовали все повышающиеся котировки ценных бумаг его корпорации.

Чувствуя ее искреннюю симпатию, бизнесмен несколько раз пытался пригласить девушку на ужин в тихий ресторанчик или в дансинг. Но Элоиза всякий раз отказывалась, ссылаясь на то, что это не ее стиль.

И это была чистая правда. Близкие чаще видели ее в спортивном костюме, чем в платье, она предпочитала потертые джинсы деловым костюмам. Так Элоиза могла оставаться собой – свободной, деятельной, успешной, прекрасной молодой художницей.

Она покорила Теда Чарлтона той легкостью, с какой побеждала на теннисном корте или на ниве творчества.

– Пусть так... – согласился Тед. – Но могу я попросить вас испытать мои старые кости на танцполе? – в очередной раз ринулся в атаку безнадежно влюбленный бизнесмен.

Элоиза очень мягко улыбнулась ему. Трогательность старикана пробудила в ее сердце материнскую нежность. Она не нашла в себе сил для отказа.

– Ну конечно, я потанцую с вами, Тед, – к восторгу Чарлтона, проговорила милая барышня.

* * *

Маркус Коварис навалился на барную стойку. Одна рука сжимает стакан с виски, другая скользнула в брючный карман.

В баре еще не было тесно, однако привлекательная блондинка с пышным бюстом, проходя мимо Маркуса, прижалась к нему.

Подвыпивший грек одобрительно улыбнулся и многозначительно посмотрел на нее. Она благосклонно кивнула. После этого безмолвного диалога исход вечера был предreshен.

Надин была широко известной фотомodelью с повадками опытной обольстительницы, а Маркусу требовалось забвение. Для этого он, собственно, и налегал на виски.

Большую часть года он провел на своей вилле на острове Рикос, опекая тетушку Кристину, младшую сестру своей усопшей матери, и ее дочь Стеллу – несчастных родственниц, которые постоянно там обитали. Им потребовалась поддержка любящего племянника и кузена в связи с недавней кончиной супруга тетушки Кристины.

Овдовев и осиротев, дамы нуждались в его присутствии и неустанном утешении, поскольку не могли примириться с гибелью любимого отца и мужа. Их горе было безутешным. Жизнь Тео Томбиса оборвала нелепая и трагическая случайность, которая тысячами уничтожает людей на автотрассах всех уголков земли. Это было тем более необъяснимо, что Тео слыл осторожнейшим из осторожных и свехосмотрительным водителем.

Маркус вырвался в Лондон всего на несколько дней. Этого требовали дела. Но трудовые будни с их суетой заканчивались, и Маркус ощущал одиночество. От виски он порядком устал, а Надин оказалась в нужное время в нужном месте.

Ее взгляд обещал пьянящие ласки, способные заменить янтарный напиток в его руке, ее упругий бюст впечатлял. В общем, все предвещало наслаждения, о каких не принято говорить вслух и о каких сам Маркус знал не понаслышке.

Но замутненный взгляд Маркуса невольно скользнул по непринужденно беседующей парочке за дальним столиком. В полумраке питейного заведения он сумел разглядеть золотисто-медные пряди, филигранно вырисованный профиль и дразнящий прищур знакомых зеленых глаз. Элоиза...

Он бы мог бесконечно смотреть на нее, если бы не этот странный тип, который так же при-

стально уставился на девушку. Не старик, однако, не юноша, не обрюзгший, но и не спортивен, не урод, но до красавца ему очень далеко, и особой грацией не отличается. Так... непонятный тип. Тогда какого черта? – подумал Маркус Коварис.

Он саркастически ухмыльнулся.

Элоиза определенно была дочерью своей матери – женщины, которая некогда обманом выманила у его дяди Тео немалые деньги. В чем ей помогала доченька. И в Лондон-то Маркус был вынужден лететь именно по этой причине. Он изыскивал возможности компенсировать своей тете и кузине финансовые потери, связанные с деловыми неудачами дяди Тео.

Он не посвящал скорбящих женщин в подробности. Да они никогда бы и не поверили, что рассудительный Тео Томбис допустил подобную оплошность. Маркус намеревался использовать собственные финансовые резервы для обеспечения своих близких родственников.

Но один взгляд на Элоизу, флиртующую с пожилым мужчиной, возбудил в нем справедливое негодование. Его принципиальность, изрядно подпитанная алкоголем, заявила о себе. Черные глаза Маркуса сузились.

Никто не мог быть так прекрасен и невинен, как эта девушка. Никто не мог быть так порочен и низок, как эта же самая девушка.

Маркус знал, что она девственница, он уважал в ней силу духа, которая позволяла ей противостоять плотским соблазнам, в изобилии окружавшим ее. Но это не помешало ему заподозрить Элоизу в гнусной игре. А после гибели дяди Тео он был готов открыто обвинить ее в спекуляциях этой самой невинностью, которую она виртуозно использовала как манок для сластолюбивых богатеев.

Она сидела вполборота к нему, в золотистом кардигане свободного фасона. Полушария высокой молодой груди выступали из низкого декольте, а тонкая талия была перехвачена пояском. Черная узкая юбка из шерстяного крепа туго облегла спортивные бедра и доходила до точеных колен.

Маркус и прежде замечал, что, избегая броских элементов в одежде, Элоиза умело составляет свой гардероб, складывающийся преимущественно из непритязательных спортивных, простых, будничных вещей и в высшей степени элегантных туалетов на выход, которые подчеркивают ее молодость, свежесть, красоту.

Даже в этом нарочито старомодном наряде, лишенном какой бы то ни было вычурности и дополнительных аксессуаров, Элоиза выглядела бесподобно.

И все же изюминка имелась. Когда Маркус ее заметил, он уже с трудом отвел голодный и хищный взгляд. На изящных ногах девушки красовались золотистые кожаные босоножки на высоких каблучках. Тонкая щиколотка, переплетенная причудливой паутинкой из множества тоненьких ремешков, прочно приковала к себе мужчину.

В этот самый миг в его душе закипало хитрое варево из восхищения перед столь прекрасным творением природы и возмущения теми пороками, которые таила в себе ее беспринципная натура.

Маркус Коварис видел, как млеет пожилой господин от каждого взгляда Элоизы, от ее легкого прикосновения, от каждого слова, брошенного невзначай. Он не удивлялся силе ее очарования, но был уверен, что сам никогда не падет жертвой притворной чистоты.

Маркус жаждал противоборства. Такой соперник представлялся ему идеальным. Элоиза – воплощение женского коварства, и он – сторонник незамутненной принципиальности. Победа в таком поединке сделает честь любому. Маркусу не терпелось скрестить клинки с обладательницей густой рыжей шевелюры.

Даже по прошествии пяти лет он мог явственно восстановить в памяти чувство, порожденное единственным прикосновением к ее кремовой коже... Маркус пошатнулся на высоком стуле у стойки бара и заставил себя отвести глаза от девушки.

Зато присмотрелся к ее спутнику. Он с трудом признал в пожилом господине легендарного американского бизнесмена Теодора Чарлтона, драматическая история о разводе которого обошла все светские издания.

Маркус многозначительно улыбнулся, глядя на потенциальную жертву молодой авантюристки. Он не допускал и тени сомнения, что Элоиза пойдет по стопам своей матери, многого достигшей на этом поприще. И его уверенность лишь окрепла, когда на днях он вычитал в экономической прессе об успехе молодого дизайнерского бюро, занятого созданием элитных ювелирных изделий и известного творческим подходом к сочетанию и технологической обработке исходных

материалов. В списке учредителей значилось имя Элоизы Смит, знакомой ему под именем Элоизы Бейкер.

И все потому, что в числе перспективных планов дяди Тео была организация подобного предприятия, дабы использовать художественные способности многообещающей малышки Элоизы, для чего уже был разработан детальный бизнес-план.

Под медленную музыку Тео Чарлтон повел свою спутницу потанцевать. Элоиза, по мнению Маркуса, была более чем благосклонна к своему партнеру. Он наблюдал за парочкой с любопытством, гневом и небольшой долей брезгливости, поскольку не желал верить, что белокожая куколка близка с этим рохлей, как может быть женщина близка с мужчиной.

Встреча с Элоизой не была случайной в полном смысле этого слова. Маркус сознательно разыскивал сестру Хлои Бейкер. Он специально нанял для этого человека, а тот предоставил ему исчерпывающую информацию о... дочери Хлои, Элоизе Смит: ее адрес, профессиональное резюме, круг общения, привычки...

Вот только увидеть ее в этом баре именно сегодня Маркус не рассчитывал. Он жаждал расплаты, однако в атаку нельзя идти невооруженным. Плана же не было. Он еще не вызрел в сознании Маркуса.

* * *

Мерно раскачиваясь в танце, Элоиза бесцельно скользила взглядом по залу. Уютный клуб в центре Лондона с баром, рестораном и небольшой танцплощадкой привлекал преимущественно солидную интеллигентную публику.

Кухня и обслуживание были на высоте. Сюда можно было запросто прийти и выпить коктейль у стойки бара, полюбоваться на красивых женщин и уверенных в своем будущем мужчин. Люди в этом месте чувствовали себя уютно и расслабленно.

Но даже в столь непринужденной обстановке Теодор Чарлтон проявлял чудеса бдительности, к которой его приучили долгие годы в бизнесе.

– Не оборачивайтесь, – с безмятежной улыбкой на лице предупредил он свою партнершу. – Там мужчина за барной стойкой уже долгое время не сводит с вас глаз. Что-то в нем мне не нравится... Кровожадность какая-то.

Элоиза не придавала особого значения словам Теда, приняв их за очередное проявление ревности. Но, сделав в танце оборот, она устремила взгляд в сторону бара и тотчас заметила своего старого знакомого, который весьма недружелюбно смотрел на нее.

От неожиданности девушка слегка вздрогнула, Тед заметил это.

Встретившись с Элоизой взглядом, Маркус еще больше помрачнел.

– Вы знакомы? – услышала Элла сухой вопрос Теда.

– Полагаю, очень многие его знают. Присмотритесь к нему внимательно, и поймете, что и вы в их числе, – стараясь выговаривать слова небрежно, улыбнулась партнеру Элоиза. – Я лично познакомилась с ним несколько лет назад, когда гостила на каникулах в Греции.

– Романтическое знакомство? – ревниво предположил Тед.

– Тогда мне так казалось, – неопределенно ответила она, стараясь не замечать жгучего разочарования Чарлтона, которому хотелось верить, что в его руках фарфоровая кукла без какого-либо прошлого. А у Элоизы были и первая влюбленность, и порожденные ею мечты.

Но все это в прошлом... Маркус Коварис был первым мужчиной, которого Элоиза назвала любимым, пусть и про себя. Но признание это осталось незабываемым. Они встречались лишь трижды, а потом он отбыл к своему захворавшему отцу, она же вернулась в Англию и больше о нем не слышала.

Но ее мать часто потом вспоминала о Маркусе Коварисе, который, по ее словам, был финансовым гением и, инвестируя развитие высокотехнологичных сфер, сколотил огромное состояние. Элоиза, углубившись в сбивчивые воспоминания, не заметила, как посуровело лицо Теда, и опомнилась, лишь, когда за ее спиной раздался знакомый низкий голос:

– О, это же Элоиза! Элоиза Бейкер!

Девушка натянуто улыбнулась и повернулась к Маркусу. Однако с краской смущения, залившей ее лицо, она уже ничего не могла поделать.

Элоиза подняла изумрудные глаза, чуть откинув голову. Она уже успела запомнить, как

внушительно выглядит этот великан вблизи.

– Элоиза... да! – кивнула девушка. – Но Смит, а не Бейкер, – уведомила она гостя из своей юности.

– Смит... Конечно. Время летит! – признал Маркус. – А ты все та же. Такая же пушистенькая, как и в девятнадцать.

– Благодарю, – хулиганским тоном ответила на сомнительный комплимент Элоиза.

– Позволь представить тебе мою подругу, – раскатисто проговорил Маркус, жестом подозвав пышногрудую нимфу. – Надин, познакомься с моей старинной знакомой Элоизой и с ее спутником, Теодором Чарлтоном.

Элоиза крепко, но коротко пожала руку Надин, протянутую ей без всякого желания. Женщины обменялись понимающими ледяными улыбками.

Элоиза с неудовольствием заметила, что в одном вопросе точно не повзрослела за прошедшие пять лет. Увидев Маркуса, она вновь почувствовала прежнее волнение и обиду, для которой была причина.

Уезжая с острова в конце каникул, Элоиза оставила свой британский адрес у горничной Маркуса с просьбой передать хозяину по возвращении. Больше года она пребывала в постоянном ожидании, которое сгладилось очень нескоро. А теперь всколыхнулось с прежней силой.

– Присоединяйтесь к нам, выпьем по коктейлю, – предложил Тед, видимо следуя старинному принципу держать друзей близко, а врагов – еще ближе.

Маркус вопросительно посмотрел на Надин.

– В другой раз, – коротко ответила та, обращаясь исключительно к нему. – Твои друзья успели перекусить, а я еще голодна, – резонно обосновала она свой категорический отказ.

Элоиза победно улыбнулась, холодно посмотрев на Надин. Она догадалась, что Маркус не без цели подошел к ней и не примет отрицательного ответа от роковой блондинки. Чутье ее не подвело, поскольку Маркус игриво сказал, лишь мельком взглянув на свою силиконовую спутницу:

– Надин, дорогая, уверен, ты потерпишь. – Дружелюбная фраза прозвучала оскорбительно. Но Надин снесла и это, должно быть, давно привыкнув к подобному обхождению.

Они присоединились к Элоизе и Теду за их столиком, приставив к нему стулья. Была заказана бутылка шампанского.

– За старых друзей! – провозгласил Маркус, подняв бокал и пристально посмотрев на Элоизу. – И за новых, – добавил он, поставив на стол опустевший бокал.

– Я знаю Маркуса уже почти два года, но он ни разу не упоминал о тебе, – сказала Надин, обратившись к Элоизе. – Как вы познакомились?

– Я гостила в Греции у своей сестры Хлои. Она арендовала виллу неподалеку от виллы Коварисов на острове Рикос. Хлоя сдружилась с дядей Маркуса, Тео. Так мы и познакомились на одной из вечеринок у бассейна... – непринужденно сообщила девушка.

– И как поживает твоя сестра? – двусмысленно полюбопытствовал Маркус Коварис, лукаво улыбаясь.

Из-за этой улыбки и странной интонации Элоиза заподозрила неладное.

С раннего детства она была вынуждена называть свою мать по имени, говорила всем, что они – сестры. Хлоя родила Элоизу, будучи очень юной. И впоследствии стремилась скрыть свою опытность от нравившихся ей мужчин. Элоиза видела в этом проявление женского кокетства. Хлоя стремилась не только выглядеть, но и слыть моложе своих лет. Ни у кого и сомнения не возникало в правдоподобности этой версии, пока Маркус не задал свой вопрос с такой интонацией, с такой улыбкой, с таким прищуром агатовых глаз.

Элоиза выдержала многозначительную паузу, после чего скорбно произнесла:

– Сестра умерла более трех лет назад.

– Прими мои искренние соболезнования, – бесцветным тоном проговорил Маркус. – Хлоя была особенной женщиной, – выразительно сообщил он.

С каким бы подтекстом Маркус ни произнес этот эпитет, он был правдив. Забеременев в восемнадцать от моряка по имени Том Смит, Хлоя вышла за него замуж, а через три месяца после рождения дочери развелась. Оставила грудную девочку на попечении своих родителей, живших в провинции, и уехала, не сказав, куда. А через четыре года вернулась, нося уже другую фамилию, оставшуюся ей после очередного развода, завалила дочку и родителей дорогими подарками и со-

общила, что теперь она – предпринимательница, притом успешная. Ее визиты стали частыми...

Для Элоизы Хлоя долгое время была подобна фее из сказки, которая появляется, когда ее не ждут, и осуществляет самые смелые пожелания.

Хлоя была неизменно элегантна и ухожена, отчего ее природная красота величественно сияла. Она недолго оставалась с семьей и исчезала также внезапно, как и появлялась.

И лишь когда Элоиза училась на первом курсе художественного колледжа, она смогла сблизиться с матерью. Хлоя пробыла с дочерью почти год, потому что девушка осиротела – один за другим скончались бабушка и дедушка, воспитывавшие ее.

Тогда Хлоя по-настоящему узнала свою взрослую дочь, существования которой она стеснялась все это время. Элоиза оказалась умницей, талантливой художницей, понимающей подругой. Она находилась в своей первой поре цветения, когда сквозь облик нескладной конопатой худышки стала прорисовываться лилейная красавица.

Оценив ситуацию, в первые же дни летних каникул Хлоя собрала чемоданы и объявила, что они вылетают в Грецию на отдых. Она дала Элоизе краткую инструкцию, как создать двум очаровательным сестрам верный образ на новом месте. И, вооружась привлекательной легендой, они поднялись в воздух...

– Прости, что затронул горькие воспоминания, – проговорил Маркус. – Хочу загладить вину и стереть грусть с твоего милого личика, – объявил он, поднимаясь из-за стола и протягивая Элоизе руку. – Потанцуй со мной по старой дружбе.

– Надин умрет с голоду, если мы пустимся в пляс, – решила отшутиться Элоиза.

Но Маркус проигнорировал ее довод и потянул девушку за собой с самым беззаботным видом.

Маркус был очень высок. Он прижал девушку к груди и заглянул ей в глаза. Его рука неустанно скользила по ее спине то вверх, то вниз. С той же регулярностью тепло сменялось холодом в жилах Элоизы.

– Как здесь жарко, – пролепетала она.

– И будет еще жарче, – двусмысленно заметил Маркус.

– Твоя подруга... Надин... – напомнила о сидевших за столом недовольных спутниках Элоиза.

– Оставь Надин, – перебил ее Маркус. – Я забыл о ней сразу, как только увидел тебя, – горячо проговорил мужчина. – Забыть тебя было труднее. Ты бросила меня без объяснений. Почему, Элоиза?

– Мне странно это слышать, Маркус. Я все эти годы считала, что ты бросил меня. Я улетела с острова позже, но оставила свой адрес и номер телефона в твоём доме. Попросила передать записку тебе.

– Кого ты попросила об этом? – насторожился он, не позволяя себе поверить ее словам, но в то же самое время надеясь, что Элоиза говорит правду.

– Твою горничную.

– Горничную? – переспросил он. – Понятно... Я оставался с отцом до самой его смерти. Организовывал похороны, решал имущественные вопросы, вернулся только через две недели. Мне сказали, что одна из наших горничных взяла рас чет. Якобы была чем-то недовольна.

– Я не знала, что твой отец умер. Мне очень жаль, – произнесла девушка.

– Если бы я получил твою записку, Элоиза...

– Что делать? Видно, не судьба, – философски заметила она. – Далеко не все зависит от нашего желания или усилий. Есть более могущественные силы, – констатировала девушка.

– Не лучшее время было для нас, но теперь-то все может быть иначе, – убежденно заявил Маркус.

Элоиза было поверила ему, но, взглянув на его лицо и заприметив тонкую напряженную улыбку, растерялась.

Маркус трижды мог найти ее. Хлоя была дружна с его дядей Тео. И не для того подошел он к ней, заговорил о Хлое, чтобы возобновить романтическое общение.

Элоиза не могла знать истинных мотивов Маркуса, но невольно насторожилась. В короткий период близости с дочерью Хлоя успела привить Элоизе критическое отношение к людям и собственным ощущениям.

– Я счастлив, что мы встретились вновь, – проникновенно прошептал Маркус. – Ты согла-

сишься поужинать со мной завтра?

Элоиза в нерешительности изучала его лицо.

– Пожалуйста... – просительно протянул Маркус.

– Надин отпустит тебя? – шутливо спросила девушка.

– Кто такая Надин? – презрительно произнес Маркус. – Вопрос, отпустит ли тебя Тед?

– Ты смеешься надо мной, не иначе. Тед замечательный, Тед – молодчина. Но он не мой мужчина, как ты ошибочно подумал. Мы – партнеры по бизнесу. У нас инвестиционное соглашение.

– О! Поздравляю! – двусмысленно рассмеялся мужчина, выслушав ее уверения. – Ты дашь мне номер своего телефона! На сей раз лично, – твердо сказал Маркус, который к этому моменту был снабжен всеми номерами телефонов, по каким могла ответить Элоиза. Его детектив сработал на все сто.

В танце девушка грациозно склонила голову набок, словно уносясь в свои грезы.

– Твой телефон, Элоиза? – окликнул ее Маркус.

– Визитка... Она в сумочке. Я после дам тебе ее, – мечтательно произнесла она.

* * *

– Эффектный мужчина, – признал Теодор Чарлтон, когда вместе с Элоизой вышел из ресторана.

– Верно... Надин счастливица, – согласилась девушка.

– Элоиза, вы еще совершенное дитя, если искренне считаете счастливицей Надин. Абсолютно очевидно, что Маркус с ней не церемонится. И это притом, что Надин – весьма обаятельная и желанная женщина, успешная модель, которую вожделеют многие. Не хочу смущать вас, дитя мое, но их связывает только постель. И поверьте, правила в паре устанавливает ваш друг Маркус, а не красotka Надин. Не сочтите меня зал старого ревнивца, но по-отечески советую вам держаться подальше от этого Ковариса.

– Только не волнуйтесь за меня. Это лишь повредит нашему сотрудничеству, – деликатно указала Теду на его скромное место в ее сердце и женской судьбе Элоиза.

Тед Чарлтон проводил ее до дома – здания, где она и жила и работала. Остановившись на пороге для прощания, отчаявшийся поклонник произнес:

– Элоиза, я не стану напрашиваться на чашечку крепкого горячего кофе. Я буду искренне надеяться на то, что однажды вы меня пригласите сами. Позвольте поблагодарить вас за волшебный вечер, который не смогло испортить даже появление этого самовлюбленного обольстителя. Будьте уверены, что завтра мы благополучно завершим все переговоры по инвестиционному контракту. Я соглашусь на самых выгодных для вашей компании условиях, о чем незамедлительно проинформирую Харри. Спокойной ночи, ангел мой, – высокопарно попрощался с девушкой Тед и поцеловал ее в лоб.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Элоиза использовала расслабляющий аутотренинг. Она знала множество эффективных способов релаксации. Понимая, что от воспоминаний о каникулах в Греции ей так просто не отделаться, она приняла удобную позу, закрыла глаза, принялась внушать своему телу ощущения тепла и тяжести, а своему сознанию – космическое безразличие.

Но волны тепла принимали форму рук Маркуса, тяжесть превращалась в томление и сожаления о несбывшемся. А вместо вселенской безучастности ее воображению предстали яркие картины прошлого.

Она лицезрела Хлою и Тео Томбиса, стоявших у освещенного края бассейна на вилле Коварисов. Как она их увидела пять лет назад с террасы.

Ее мать что-то эмоционально рассказывала, а Тео смеялся. Держась в тени везде, где они появлялись вместе, Элоиза всегда украдкой наблюдала за Хлоей, восхищалась и гордилась ее светскими манерами. Сама же девушка не испытывала желания блистать подобно матери. Она придерживалась позиции созерцателя, полагая, что никого не может привлечь ее заурядность. Но она ошибалась.

В очередной раз, наблюдая за матерью, Элоиза почувствовала на себе чей-то пристальный

взгляд. Она обернулась в поисках незримого источника этого внимания, и из неосвещенной комнаты на террасу вышел молодой человек, который тотчас поразил ее своим ростом.

Он был одет как на теннисном корте – в удлиненные белоснежные шорты и белую же трикотажную рубашку с короткими рукавами. В этот момент снизу ее окликнула Хлоя:

– Что ты там делаешь, сестренка? Спускайся к нам и захвати по пути что-нибудь промочить горлышко. Мы умираем от жажды!

Элоиза суетливо заметалась, пытаясь преодолеть проход, который шутливо загородил ей высоченный незнакомец. Сконфузилась так, что уши сделались рубиновыми. Мужчина двинулся за ней и молча помог поднести поднос с коктейлями, который нерадивая горничная позабыла в холле. У бассейна их представили друг другу. Великан оказался племянником Тео.

Хлоя подбила Элоизу снять тунику и нырнуть в бассейн. Та, сгорая со стыда, подчинилась и спустилась в воду. Маркус тотчас присоединился к ней, к восторгу собравшихся сняв рубашку и шорты, под которыми были темные плавки.

Он плавал, как дельфин, и безумствовал в воде, как мальчишка. А для девятнадцатилетней студентки из английской провинции не могло быть ничего более унижительного, чем шутливые брызги в ее разгоряченное лицо, уклоняясь и отфыркиваясь от которых она чувствовала себя предметом всеобщих насмешек, дурехой, малышкой...

Потом они разговаривали, преимущественно шептались, отчего общение казалось таинственным. Элоизе приходилось много лгать Маркусу, следуя инструкциям Хлои. Она ненавидела себя за это. Ненавидеть мать она не могла. Элоиза обожала ее и безоговорочно слушалась.

Она не могла вольно или невольно огорчить Хлою своим поведением и этим сократить срок их совместного отдыха. Она была уверена, что и мать тоже любит ее, хоть и по-своему. Когда после смерти бабушки и дедушки было вскрыто их завещание, Хлоя не высказала ни слова в опровержение их воли, согласно которой все нажитое имущество, включая дом и денежные сбережения, переходило к внучке, а не к дочери. Элоиза испугалась тогда, по детской наивности, что Хлоя обидится из-за этого на нее. Она сказала матери, что продаст дом и отдаст деньги, вырученные от его продажи, ей. Тогда Хлоя убедила ее, что правильнее будет положить эти деньги на общий счет и совместно распоряжаться процентами с суммы. Элоиза так и сделала, но до похорон матери не притрагивалась к вкладу.

Элоиза увлажнила языком пересохшие губы. И новая волна чувственных воспоминаний нахлынула на нее. Она восстановила в памяти тот вечер под сенью садовых деревьев, когда ей и Маркусу внезапно надоели тихие беседы. Он воззрился на ее губы. Первый незабываемый поцелуй свершился с молчаливого согласия Элоизы. Затем последовало множество поцелуев, каждый из которых останется до конца ее жизни особенным и незабываемым.

А на следующее утро, когда Маркус вез ее на спортивной машине с откидным верхом и дух захватывало от скорости и того ощущения свободы, которое дарят порывы ветра, треплющего волосы и ласкающего лицо, он шепнул, склонившись к самому ее уху:

– Ну, иди же сюда, сокровище мое.

Прижал к себе и обхватил за талию.

Они расположились на утесе, обустроив местечко для пикника. Под ними билось о камни вольное море. Широкий горизонт и ясное небо окружали их. Они были одни, они были вдвоем.

– Восхитительно! – воскликнула Элоиза, посмотрев вокруг.

– Это ты восхитительна, – соблазнительно проговорил Маркус, жестом попросив ее сесть рядом.

То, что он ей говорил потом, она запомнила дословно. Так с ней еще никто не разговаривал.

– Твои губы, – шептал Маркус. – Они – как алые маки. Они дурманят, завораживают, покояют... А шея... Она царственна. Настоящее произведение искусства. Я обожаю твою шею... Ложись на плед, и я расскажу тебе про твою грудь.

И Элоиза выполнила его просьбу.

Маркус склонился к ее груди и поцеловал глубокую ложбинку между упругими взгорьями.

Элоиза нежно провела рукой по его густым темным волосам.

Маркус снял с нее одежду. Элоиза осталась в бикини.

Он бормотал что-то по-гречески, лаская ее, а девушка таяла под солнцем Эллады.

– Чего бы тебе хотелось, милая Элоиза? – спросил Маркус, поцеловав низ ее живота.

Элоиза не торопилась с ответом. Она прислушалась к себе и поняла, как это все для нее ново

и непонятно.

Его рука скользнула под последний слой эластичной материи на ее розоватом бедре.

Элоизу пронизало незнакомое доселе волнение.

– Этого не хочу, – твердо сказала благовоспитанная девушка.

– Нет?

– Нет, – твердо повторила она.

– Почему? – спросил он.

Элоиза не могла объяснить свой отказ. Ей лишь казалось, что этого делать не следует.

– Я сказала «нет», – строго проговорила она.

Ему было двадцать девять, но он был пресыщен не по годам.

– Презираю женщин, которые используют свое тело, чтобы понукать мужчинами, – процедил он.

Элоиза безучастно посмотрела на Маркуса, который в один миг сделался таким чужим и пугающим. Она потянулась к своей одежде и сказала:

– Ты не знаешь меня.

– Ты девственница? – догадался Маркус.

– Да, – гордо произнесла девушка.

Он достал из кармана упаковку презервативов и объявил:

– Я сделаю все идеально.

На следующее утро он улетел к больному отцу...

– Мы добились этого, девочки! – торжественно провозгласил Харри, внося в мастерскую поднос с бокалами и бутылкой шампанского.

В присутствии нового компаньона, Теда Чарлтона, они отпраздновали удачную во все? отношениях сделку.

Беременная Кэти символически пригубила вино ради такого случая. Все осушили свои бокалы, после чего Элоиза обратилась к солидному бизнесмену:

– Мистер Чарлтон, а вы не пожалеете о своих уступках?

– Ни в коем случае, милая леди, – заверил он.

Элоиза больше не произнесла ни слова. Зато Харри фонтанировал прожектами.

– Девочки, Тед! Следующая остановка – Париж. Это наша Мекка.

Тед горячо поддержал мысль Харри. Он был заинтересован в успехе своих молодых подопечных, которым великодушно позволял чувствовать себя его полноправными партнерами.

Харри принял собственные разглагольствования всерьез. Он тут же ринулся к справочнику и вооружился телефонным аппаратом. На его счастье, в «Мекке» были наслышаны об успехах молодого британского дизайнерского трио. Большие люди на рю Сент-Оноре пожелали ознакомиться с произведшей сенсацию коллекцией ювелирных украшений. Даже рискованный Харри опешил от той легкости, с какой у него завязалось общение с нужными персонами.

Обнадеженный таким успехом, он тут же заказал билет на ближайший рейс до французской столицы.

Элоиза ни на секунду не забывала о том, что согласилась поужинать с Маркусом этим вечером. Она весь день ждала его звонка, вздрагивая каждый раз от телефонного зуммера.

Девушка продумала каждую мелочь своего туалета. Она понимала, что ей не следует выглядеть нарочито фривольно. В запасе всегда был изумрудный шерстяной костюм с волнующим приталенным верхом и большим декольте, приоткрывающим грудь.

Его Элоиза и надела ближе к вечеру, не афишируя перед живущими вместе с ней Кэти и Харри своих намерений. Еще она надела янтарную подвеску, которая, подобно капле солнца, стекла в ложбинку ее груди. Она выбрала черные лодочки, которые выгодно подчеркивали красивый подъем ноги. Критически вглядываясь в свое отражение, она решила, что без янтарных серег ей не обойтись.

Вопреки ее ожиданиям, Маркус так и не позвонил по телефону.

Он позвонил в их дверь и попросил Элоизу Смит. К великому удивлению коллег, друзей и соседей в лице Кэти и Харри, она выплыла из комнаты во всем блеске своей красоты.

– Я планировал повести тебя в шикарный французский ресторан, – объявил Маркус. – Но, к глубокому моему сожалению, этим планам не суждено сбыться. Я жду важный телефонный звонок с западного побережья Соединенных Штатов. Поэтому и распорядился, чтобы нам накрыли

столик в отеле.

– В отеле? – напряженно переспросила девушка.

– Прости, Элоиза. У меня не было желания смущать тебя. Ты вольна отказаться. Но я на днях улетаю... Поэтому надеюсь, ты согласишься пойти на незначительные уступки со своей стороны.

Элоиза помедлила с ответом, анализируя его доводы. И, чтобы не прослыть беспричинно пугливой, сказала:

– Да, хорошо.

Маркус Коварис, как ему и подобало, проживал в лучшем отеле Лондона. Они пересекли пустынное фойе и вошли в лифт.

– Говорят, на крыше этого отеля отличный ресторан, с площадки которого открывается великолепный вид на ночной Лондон, – поделилась информацией Элоиза Смит.

– Мне это известно, поскольку это мой отель, – невзначай бросил Маркус.

– В каком смысле? – не поняла она выражения «мой отель».

– Я его владелец, ибо я его купил, – растолковал Маркус Коварис.

– Неожиданная новость, – проговорила она.

– Мой этаж, – сказал мужчина, когда створки лифта бесшумно утонули в стене.

– Я полагала, мы ужинаем в ресторане... – растерялась девушка.

– Там шумно... Да и негоже владельцу трапезничать с постояльцами, – авторитетно объявил Маркус.

Он повел ее по коридору, вежливо поддерживая под локоть. Напряжение Элоизы возрастало с каждым шагом. Это был особый этаж – с минимумом дверей, к одной из которых подвел ее Маркус.

Он отворил дверь своего номера. Элоиза оказалась в скудно освещенном холле, за которым виднелись гостиная и столовая.

Маркус провел гостью к элегантно сервированному на двоих столу. Девушку приятно поразила изысканность его убранства. Стол застилала льняная скатерть исключительного качества. По бокам прозрачных фарфоровых тарелок покоились старинные серебряные вилки и ножи. Хрусталь сверкал и переливался, лаская глаз игрой бликов.

– Желаеть помыть руки? Ванная здесь, – Маркус махнул рукой в глубь номера. – Располагайся, а я пока распоряжусь насчет ужина.

Его приказание официанты выполнили мгновенно. Элоиза заняла свое место за столом. Маркус вел себя в высшей степени галантно, ухаживая за своей дамой.

– Я допустил nepозволительную грубость по отношению к тебе, – неожиданно заявил он вместо того, чтобы произнести тост.

– Правда? – удивилась Элоиза. – Я и не заметила.

– Я до сих пор не сказал, как ты сегодня прекрасна!

– О, благодарю! – рассмеялась девушка. – Ты реабилитирован.

– За возобновление нашей дружбы! – произнес он тост, поколебав ее самообладание. – Холодно? – участливо спросил Маркус, заметив, как Элоиза поежилась.

– Нет, – покачала она головой.

– Весна в Англии... – многозначительно протянул он. – Приезжай в Грецию на Пасху. Вот у нас настоящая весна.

Маркус потчевал гостью только деликатесами. Они пили эксклюзивное шампанское. К десерту Элоизу разморило. Девушка не ожидала, что сможет перепробовать такое количество блюд.

– Я неравнодушен ко всевозможным сладостям, – признался Маркус, когда вместе с кофе появился внушительный набор кондитерских изделий.

Элоиза в ужасе поморщилась.

– Выбирай! – призвал ее Маркус. – Тебе понравится... Попробуй это. – Он взял причудливую конфетку и почти насильно запихнул ее девушке в рот.

Элоиза раскусила подношение, и глаза ее вспыхнули от удивления. Она не любила сладости, которые представлялись ей привязчивой заразой наподобие наркотиков, и делала исключение только для мороженого.

Конфета Маркуса привела ее в настоящий восторг.

Вкуснятина, откровенно объявила девушка.

– Не сомневаюсь, – гордо произнес он. – У нас еще осталась пара глотков шампанского.

- Как твой дядя Тео? – на свою беду, спросила Элоиза.
 - Он погиб... около года назад. Остались вдова и ребенок, – не глядя на гостью, сообщил Маркус.
 - Прости... Я не знала, – поникнув, пролепетала девушка.
 - К чему такая печаль? Ты его еле знала. Он ведь был не твоим другом, а Хлои, – скептически отклонил ее соболезнования хозяин.
 - Насчет Хлои я должна тебе кое-что сказать, Маркус, – произнесла Элоиза, решительно посмотрев на него.
 - Говори, если должна, – с вызовом откликнулся он.
 - Хлоя не была мне сестрой. Она была моей матерью, – проговорила девушка.
 - О, я так удивлен! – притворно изумился Маркус. – Кто бы мог подумать, она была так молода, – скороговоркой добавил он.
 - Все верно. Ей было семнадцать, когда родилась я. Она просила меня называться ее сестрой. Я делала, как мне велели. Должно быть, у мамы были веские причины для этого, – тихо заметила Элоиза.
 - А твой отец?
 - Он исчез еще до моего рождения, и мама подала на развод. Меня воспитывали ее родители. Хлою я в детстве почти не знала, – чистосердечно призналась она.
 - Она была очень предприимчивой женщиной. Ты пошла в нее, – холодно произнес Маркус.
 - У меня было чувство, что ты именно так это и истолкуешь. – Она вновь вздрогнула от его холодности. – Скажу тебе, Хлоя очень гордилась мной, когда я поступила в колледж. И если бы не ее поддержка, то я, Кэти и Харри не стали бы теми, кем мы являемся сейчас.
 - Это почему? – осведомился Маркус.
 - Мама многому научила меня.
 - Какая любопытная история, – отозвался он. – Поднимаю тост за твой успех в делах, Элоиза.
- Элоиза присоединилась к этому пожеланию и пригубила шампанское.
- А теперь тост за дружбу, – добавил хозяин.
 - За дружбу уже пили, – напомнила девушка.
 - Дружба дружбе рознь, – едко заметил он, но Элоиза не придавала этому особого значения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Маркус погладил себя по животу и, сославшись на переедание, заявил, что ему во что бы то ни стало необходимо вытянуть ноги. Он пригласил Элоизу в просторную гостиную, где вальяжно расположился на одном из диванов.

- Снимай свой тесный жакет и последуй моему примеру, – предложил он.
 - Я не могу его снять, – призналась Элоиза.
 - Не придумывай. Я что, не видел тебя в купальнике? – взволновал ее своим небрежным, напоминанием мужчина.
- Он протянул руку и расстегнул единственную пуговицу на ее талии. Взору приоткрылась тонкая перемычка кружевного бюстгалтера.
- Ты меня хочешь? – нагло спросил он.
 - Нет, – так же твердо, как и пять лет назад, ответила Элоиза.
 - Я лишь хотел помочь тебе, – лениво сообщил он.
 - В помощи не нуждаюсь, – отрезала двадцатичетырехлетняя девственница, начиная злиться на себя, на Маркуса, на весь свет.
 - Но ты такая красивая, можно сказать, идеальная женщина... Я не понимаю, – сказал он.
 - Ты не единственный мужчина, который сознается в непонимании женщин, – констатировала она, застегнув большую красивую пуговицу на жакете.
- Маркус встал сам и заставил Элоизу подняться с кресла. Он привлек ее к себе и обнял. Она вновь окунулась в ту бездну, в которую ее неизменно погружали поцелуи Маркуса.
- Теперь в постель, – шепнул он. – Скажи «да».
 - Да, – бессознательно отозвалась девушка.
- Он нес ее на руках, затем бережно возложил на постель. Как-то внезапно он возник над ней

обнаженный по пояс.

Элоиза дышала часто, ее голова кружилась.

Он освободил ее грудь, беспорядочно целуя лилейную кожу.

Элоиза шептала его имя нежно и томно. Она теребила волосы Маркуса, гладила широкие плечи. Обессиленно запрокинув голову, закрыла глаза и погрузилась в грезу.

Шумное дыхание Маркуса возбуждало ее разительнее поцелуев. Она ощутила сильный жар и незнакомое томление внизу живота.

Маркус обнажал ее, ловко управляясь с одеждой.

Элоиза чувствовала себя драгоценностью в его сильных руках. Так она в своей мастерской старательно ограняла камни, прежде чем дать им изысканное обрамление из белого, желтого, червонного золота или таинственного серебра.

Жар от живота разлился по всему телу. Это было подобно восторгу.

Девушка открыла глаза и посмотрела на возбужденного мужчину, склонившегося над ней в сумраке спальни.

– Маркус, – прошептала она.

Он услышал долгожданный призыв. Она ощутила его тяжесть, затем – необузданность желания.

– Да, – выдохнула Элоиза.

Он наполнил ее собой, заставляя вздрагивать от сладостного томления.

Он был несказанно счастлив обнаружить ее такой же нетронутой, как пять лет назад.

Его рука скользила по ее бедру. Нашупав уплотнение, он тотчас замер.

– Что это? – спросил Маркус.

– Так, ерунда... Маленький шрам. Я поранилась стеклом, пришлось накладывать швы. Так что я не идеальна, – чувственным шепотом ответила Элоиза, обхватила его шею и нежно попросила: – Продолжай.

До вершины блаженства оставалось немного. Но оказалось, что Маркус к ней и не стремился.

– Ладно, – проворчал он, повернувшись на спину. – Для первого раза достаточно.

– Я что-то не поняла, – начала Элоиза, и тут в соседней комнате раздался телефонный звонок.

– Я должен ответить, – сказал Маркус, поднимаясь.

– Значит, ты действительно ждал звонка? – пролепетала Элоиза.

– Думаешь, я завлек тебя сюда обманом?.. Просто коротать часы ожидания лучше в приятной компании старинного друга, – сообщил он, натягивая брюки. – Одевайся. Я верну тебя домой, пока твои друзья не объявили тревогу.

– Я взрослая женщина, – гордо произнесла Элоиза.

– Если ты останешься здесь на ночь, мне придется стать взрослым мужчиной, а я этого не хочу... Ты вся горишь, Рыжая, – сказал он, выходя из спальни.

– Это бич всей моей жизни, – горестно бросила вслед ему Элоиза. – Нельзя безнаказанно быть рыжей, – попеняла она на свою склонность к предательскому румянцу.

– Иди в душ! – прокричал Маркус. – И если тебе повезет, то я присоединюсь вскоре. Нельзя безнаказанно лежать в моей постели.

Элоиза поморщилась от его надменных шуточек.

Маркус не удивился, застав ее одетой.

– Прости... У меня проблемы. Предстоит много работы этой ночью. Я рад, что ты уже оделась. Сейчас попрошу отвезти тебя домой. Машина будет ждать у парадного входа.

Элоиза вопросительно изогнула брови.

– Я позвоню тебе завтра... Обещаю, – подтвердил Маркус свое намерение, видя ее красноречивое недовольство.

Он проводил ее до двери своего номера.

– Не обижайся. Но у меня много неотложных дел, – пробормотал он, торопливо поцеловав женщину в щеку и втолкнув ее в лифт.

– Конечно, Маркус. Дело, прежде всего. Очень тебя понимаю... Но можешь не беспокоиться, завтра я вылетаю в Париж, мы открываем там наше представительство.

– Какая неожиданность, – проговорил Маркус, придерживая створки лифта.

– Отнюдь. Тед давно предрекал нам этот прорыв. – В надежде позлить Маркуса, Элоиза упомянула мистера Чарлтона. – Он одержим нашим успехом, как своим собственным. Более трепетного мужчины мне еще встречать не приходилось.

Маркус больше не скрывал своих эмоций. Он смотрел на Элоизу Смит, злобно прищурился черные глаза. Его челюсти были сжаты. Элоиза приняла такую реакцию за приступ ревности и осталась весьма довольна собой, подумывая, как бы подлить масла в огонь.

– Благодарю за сытный ужин. Ты меня ублажил, Маркус.

– Если тебя не будет в Лондоне, то я здесь тоже не задержусь, – парировал он, и дверцы лифта закрылись.

Сердце Элоизы замерло, а затем оборвалось, когда кабинка лифта плавно поехала вниз. Из отеля она вышла с выражением тяжелой утраты на своем вечно задорном веснушчатом лице.

Она не понимала, что произошло, но отчаянно корила себя, поскольку явно переиграла в желании вызвать ревность Маркуса. Она повела себя вульгарно, приплетая к этому Теда Чарлтона.

Второй раз в жизни Элоиза почувствовала себя вымаранной в грязи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Как тебе это нравится? – спросила Элоиза у Кэти, вертясь перед зеркалом в черном шелковом облегающем платье для коктейля без бретелек, подол которого оканчивался в трех дюймах над коленями. – Совершенно новое. Ни разу не надевала.

Элоиза с вызовом посмотрела на Кэти, которая все не решалась высказать те мысли, которые навевал обновленный облик подружки.

В течение всей субботы Элоиза гуляла по лондонским магазинам модной одежды с целью полностью обновить свой гардероб. Знаменательное событие, произошедшее в ее жизни, словно взывало пересмотреть все привычки и приверженности. Близкие друзья восприняли это как реакцию на карьерный взлет самой Элоизы. Им и невдомек было, что за этим кроется нечто сугубо личное.

Вот уже два часа Элоиза демонстрировала обновки Кэти, наряжаясь в каждую вещь и подолгу вертясь перед зеркалом в ожидании комплиментов.

– Все очень красиво, Элоиза. Тебе идет, – сдержанно отозвалась Кэти.

– Что ты скажешь именно об этом платье? – требовала прямого ответа зеленоглазая женщина.

– Ты уверена, что это твой стиль? Я имею в виду, будешь ли ты чувствовать себя в нем уютно? Такие резкие метаморфозы... В своем прежнем стиле ты уже достигла высокой степени элегантности. Стоит ли так резко менять курс?

– Ты скептик, Кэти. Мне это известно. Но разве жизнь – не игра? Признаться, я сама не думала, что меня потянет к таким вещам. Выйдя сегодня утром из дому с простым желанием поднять себе настроение покупкой, я и не предполагала, что захочу изменить имидж. Но от себя не убежишь. Мир меняется. Я должна меняться вместе с ним, как художник, как женщина, наконец!

– И тебе удалось, – признала Кэти. – Насколько эти перемены связаны с черноглазым греком?

– Лишь отчасти, – проговорила Элоиза, вновь глядя в зеркало.

– Будь осторожна, – материнским тоном произнесла Кэти.

– Будь осторожна... – передразнила ее Элоиза, и обе женщины залились хохотом.

Элоиза ощутила прилив румянца к лицу и поспешила в гардеробную переодеваться.

Прошло четыре дня с тех пор, как она рассталась с Маркусом. Она прилагала невероятные усилия для того, чтобы продолжать свою обыденную жизнь, ничем не выказывая произошедших в ней перемен. Но от себя она этого скрыть не могла и невольно считала дни, часы, минуты. Ждала его звонка, его появления. Она тосковала без его поцелуев не меньше, чем в девятнадцать лет.

Хоть он и напугал Элоизу бестрепетной черствостью расставания, но ее женская сущность предпочитала не вспоминать об этом.

Элоиза не жалела, что отдалась ему. По сути, именно его она и ждала все эти годы.

– Элоиза, ты меня слышишь? – окликнула ее Кэти.

– Повтори, – отозвалась она.

– Слышишь ли ты мои предостережения по поводу этого иностранца?

– Я всего лишь поужинала со старым знакомым, – ответила Элоиза. – Не стоит драматизировать этот малозначительный эпизод. А что касается осторожности вообще, то я, по-моему, олицетворение осторожности. Временами самой становится от этого тошно. Будто я всю жизнь сдаю экзамен на бдительность. Бррр... – театрально поежилась Элоиза, высунувшись из гардеробной. – Примерки окончены. Пойдем вниз, скоро должен вернуться Харри, – позвала она подругу. – Не спеши. Я помогу тебе спуститься с лестницы.

* * *

До уикенда Элоиза не один раз прибежала к расслабляющим аутотренингам. Тщетное ожидание телефонного звонка от Маркуса Ковариса сделало ее раздражительной. Она пребывала в постоянном напряжении, прислушиваясь к малейшему шороху, раздающемуся в доме...

Наутро, за привычными кипами газет, Элоиза попивала кофе, лениво переворачивая страницы. Внезапно ее взгляд застыл на большой фотографии. Непроизвольно сжалось сердце.

В рубрике светской хроники одной из английских газет она увидела фото Маркуса в компании модели Надин. В приписке значилось, что они приняли участие в благотворительном вечере, который состоялся в минувший четверг, когда, по его собственным словам, он должен был находиться далеко от Лондона.

Элоиза брезгливо разглядывала Маркуса в элегантном костюме и сияющую счастьем Надин в его нескромных объятиях.

Элоиза почувствовала отвращение ко всему, что окружало ее. Она отшвырнула от себя газету. Она бы отшвырнула и себя саму, будь у нее такая возможность.

Медленно, как старуха, Элоиза встала из-за стола, опираясь о столешницу. Она не могла распрямиться. Ее мутило. Из-за неосторожного движения газеты посыпались на пол. Оставив недопитым кофе, она тяжелым шагом направилась в свою спальню.

Девушка легла на кровать, обхватив руками живот и поджав колени. Ком обиды теснил дыхание. Через пару минут подушка была мокрой от слез. Элоиза бесшумно рыдала, содрогаясь всем телом.

Она второй раз в жизни плакала из-за мужчины. И оба раза из-за одного и того же.

Выплакавшись, Элоиза повернулась на спину и безвольно раскинула руки. Она неподвижным взглядом смотрела в потолок. Ей вспомнилось все.

Подобно бесстрастному наблюдателю, она воспроизвела в памяти каждый взгляд, каждое слово, каждое прикосновение, каждую встречу, каждый незабываемый поцелуй. Она вспомнила и вновь пережила все с самого начала...

Наконец Элоиза готова была поклясться, что ее сердце больше не трепещет от мыслей о Маркусе – ее первой любви. Она решила, что этот этап пройден. Ей показалось, что теперь она свободна от своей детской привязанности. И она крепко уснула.

Работа была лекарством. Только работа могла вырвать восприимчивое сознание Элоизы из тисков обыденности. В работе она отдыхала умом и сердцем.

В трудах прошла почти вся весна. Март, апрель, начинался май.

Перед Элоизой и ее коллегами стояли большие цели, к которым они шли. А тут еще Кэти с ее гигантским животом и сборами в роддом.

Когда родился Бенджамин, Элоиза уже и не вспоминала об обидном эпизоде с Маркусом. Друзья так и пребывали в святом неведении относительно ее переживаний. Да и вряд ли взволнованные молодые родители смогут должным образом проникнуться ее печалью.

Их бизнес развивался, и компаньоны решили нанять двоих помощников. Одним из них стал молодой человек, Питер, вчерашний выпускник колледжа, выполнявший функции подмастерья Элоизы Смит. А Фло Браун, женщина лет пятидесяти, которая долгие годы была домохозяйкой и, наконец, решила вернуться к активной жизни, очень старалась быть незаменимой и быстро была всеми признана настоящим сокровищем. Кэти же полностью отошла отдел, сосредоточившись на воспитании сына.

Каждый раз, уединяясь в своей гардеробной и невольно вспоминая повод, благодаря которому обновился ее имидж, Элоиза не могла нарадоваться, что это произошло. Теперь она с легким сердцем вспоминала о Маркусе, полагая, что встреча с ним стала ступенькой, толчком, серьезным поводом к преображению.

Она освоилась в своем новом образе, почувствовала качественно иную уверенность в себе. Исчезла бойкая девчонка. Элоиза стала вдумчивой, сдержанной и грациозной дамой, которая наилучшим образом могла представить собственные ювелирные изделия – в лондонском ли уютном магазинчике или в парижском бутике на главной торговой улице столицы моды.

* * *

Это должно было произойти жарким июньским полднем.

Через два часа предстояло официальное открытие бутика «Кей-эйч-и» в Париже.

Элоиза бросила последний пристрастный взгляд на внутреннее убранство магазина. Она не любила суету и спешку, поэтому предпочитала все делать заранее, чтобы последние горячие минуты можно было потратить на перепроверку результатов и торжественное ожидание судьбоносного момента.

Элоиза была удовлетворена увиденным. Медленно вышагивая вдоль застекленных прилавков, щедро подсвеченных огнями элегантных светильников, глядя на изысканные драпировки и восхитительные драгоценности, на огромные зеркала и маленькие зеркальца, Элоиза отчетливо осознала, каков он – успех – на глаз, на нюх, на ощупь.

Для создания этого исключительного интерьера и на рекламную кампанию им пришлось не только мобилизовать все скопленные денежные средства и инвестиционные вложения Теда Чарлтона, но и связать себя некоторыми долговыми обязательствами. Это, впрочем, никого не расстраивало, поскольку Харри авторитетно заверил своих компаньонов, что уже в первые недели работы парижского бутика они смогут начать отдавать долги.

До открытия оставалось еще достаточно времени, и Элоиза отправилась в свой отель – привести себя в порядок и переодеться для торжественного выхода.

Стоя напротив огромного зеркала в ванной комнате, женщина осознала, что не может справиться с волнением. Беспристрастное зеркало повторяло каждый ее неуклюжий жест, дрожь, растерянный взгляд.

Элоиза присела на высокий край ванны и честно проделала цикл дыхательных упражнений. Она мысленно воспроизвела в сознании последовательность предстоящего действия и, образно говоря, перешла на «автопилот», отключившись от сиюминутных переживаний.

Памятуя о том, что в Париже негоже ошибаться с макияжем, она сделала все в точности по схеме.

Просушив и расчесав медовые волосы, Элоиза собрала их высоко на затылке. Покрыв лицо тончайшим слоем золотистого тонального крема, затушевала веснушки. Далее аккуратно подчеркнула линию бровей, прорисовала четкую стрелку к внешним уголкам глаз. Сочетанием двух оттенков теней, светлыми, мерцающими на внутреннем уголке глаз, и теплыми кофейными – на внешнем, придала выразительности изумрудному взгляду. Покрыла пухлые губы блеском кораллового цвета, отчего они сделались еще чувственнее, еще сочнее, еще влажнее. Нанеся на ресницы тушь темно-коричневого цвета, Элоиза отступила на несколько шагов и всмотрелась в свое отражение. Когда ее рука потянулась к персиковым румянам, женщина благоразумно одернула себя. Все-таки она англичанка, и об этом забывать не стоит.

Презентуя собственную коллекцию, Элоиза украсила шею паутинкой колье из гагата и солнечного янтаря, которое сияющим водопадом ниспадало на ее грудь. В гарнитур входили также изящные серьги и широкий ажурный браслет с элегантной застежкой, плотно облегающий тонкое запястье.

Глядя на себя в зеркало, Элоиза расправила платье, собравшееся на бедрах. То самое черное платье для коктейлей, которое она купила как символ своего преображения.

Именно в таком наряде она наилучшим образом могла демонстрировать красоту своих украшений, как, впрочем, и собственную красоту. Но не о себе она думала в этот час, всецело радея за успех общего дела.

В дверь номера постучали, и Элоиза услышала призывный голос Харри:

– Ты готова? Поторопись! А то откроем лавочку без тебя! – шутливо пригрозил он.

– Без паники, сэр! Времени предостаточно, – парировала Элоиза, взглянув на часы.

Три часа длились официальная и последовавшая за ней неофициальная части открытия парижского бутика британского дизайнерского бюро «Кей-эйч-и». Казавшиеся просторными площа-

ди магазина за считанные минуты заполнились гостями. Двое нанятых французских служащих регулировали потоки, сверяясь со списками приглашенных.

Было множество супермоделей, коллег-дизайнеров, модных критиков, редакторов всемирно известных глянцевого журналов, несколько общественных деятелей, спортсменов, звезд кино и шоу-бизнеса.

Организаторы потратили огромные суммы на приобретение дорогого шампанского и закусок, а также на памятные подарки полезным гостям.

– Помнится, я говорил вам, Элоиза, что вы прирожденная победительница! – восторженно произнес Тед Чарлтон, который не мог оставить без внимания звездный час своей подопечной.

Элоиза грустно улыбнулась ему в ответ и прошептала:

– Не устаю повторять, сколь многим я обязана вам, Тед.

– Перестаньте, прошу вас, – скромно отмахнулся от благодарности американец. – Могу я у вас спросить, милая леди... – осторожно начал он, заставив Элоизу сосредоточиться. – Этот Маркус Коварис...

– Что такое? – встрепелась она.

– Как хорошо вы его знаете?

– Ужинала с ним пару месяцев назад, а задолго до этого встречала, но не более трех раз. Почему вы спрашиваете об этом, Тед?

– Вы с ним друзья? – продолжал допытываться Тед Чарлтон.

– Друзья здесь, со мной, – твердо произнесла Элоиза. – А с Маркусом мы просто знакомы.

– Я так и думал, – пробормотал он.

– И все-таки почему вы меня об этом спросили? – начала собственное расследование Элоиза.

– Это тема для отдельного разговора, моя дорогая, – серьезно произнес мистер Чарлтон. – Потом я вам все обязательно объясню... Вы согласитесь поужинать со мной?

– Хорошо, Тед, – откликнулась заинтригованная его расспросами женщина.

То ли это было мистическим совпадением, то ли следствием вероломства Маркуса Ковариса, но только они, завершив свой напряженный разговор, тотчас увидели перед собой словно возникшую из ниоткуда исполинскую фигуру одиозного грека.

Это было тем более странно, что приглашительного билета ему никто не посылал.

– Привет! Элоиза, Тед! Рад видеть вас снова, – церемонно раскланиваясь, провозгласил Маркус.

Своим появлением без приглашения он возмутил хозяйку приема. Своим высокомерным тоном – тем более. На его ехидном лице читалось желание поскандальить. Элоиза, с боязливостью относящаяся к возможности самого незначительного конфуза, внутренне собралась, сконцентрировалась, словно превращаясь в разящую неприятеля стрелу.

Она сощурилась. Маркус заметил этот недобрый взгляд и издевательски изобразил нечто подобное.

Кто мог знать, как долго он находился в шумной толпе и украдкой наблюдал за Элоизой? Быть может, он даже слышал ее разговор с Тедом. Нет, это явное преувеличение, поскольку у Элоизы имелась благоразумная привычка всегда разговаривать тихо.

Да и не заметить в любой толпе Маркуса Ковариса было невозможно, поскольку этот великан возвышался над всеми.

– Не ожидала увидеть тебя вновь, – лениво произнесла Элоиза, взяв с подноса бокал шампанского.

– Как же я мог пропустить такое событие? Надеюсь только, что ты простишь мне мое долгое отсутствие... Тотальная занятость... тотальная, – озабоченно покачал головой Маркус и театрально тяжело вздохнул.

– О, как я тебя понимаю, – саркастически посочувствовала ему женщина.

– Ты всегда была понимающей девочкой, – не к месту напомнил Маркус.

– Видишь ли, я меняюсь. И меняюсь очень стремительно, за что не устаю благодарить окружающих меня людей, – с целым букетом подтекстов произнесла Элоиза.

– Надеюсь, все изменения к лучшему? – высокомерно спросил Маркус.

– Какими бы они ни были, не тебе о них судить, – резко осадила его женщина.

– О любых изменениях я могу судить только по твоей внешности. Ты стала еще прекраснее, голубка моя, – комплиментом смягчил противостояние Маркус. – Твой дизайн? – спросил он, по-

ложив ладонь на ее грудь поверх янтарного кольца.

– Как и все здесь, – ответила, отступив от него на шаг, Элоиза.

– Впечатляет! – признал он. – Настоящий европейский шик... Прими мои искренние поздравления. Ты действительно многого достигла за такой короткий срок.

– Благодарю. Ты очень любезен.

– Меня удивляет твой тон, Элоиза. Ты сомневаешься в моей искренности? Ты думаешь, я не способен оценить талант ближнего? – наигранно обиделся Маркус.

– Нет. Я лишь сомневаюсь в целесообразности этого затянувшегося разговора, – холодно развеяла его подозрения Элоиза.

– Давай просто отбросим все эти светские условности и побеседуем о том, что нас действительно волнует, – вызывающе предложил Маркус, враждебно взглянув на Теда Чарлтона, который во время завуалированной перепалки стоял неподалеку.

– Если бы такая тема существовала, можешь быть уверен, я бы выслала тебе приглашение, – иронически заверила его Элоиза.

– Согласен. Ты не выслала. Но Тед сделал это, – ошаршил ее Маркус.

– Что я слышу? – возмутилась она, гневно взглянув сначала на Маркуса, затем на Теда.

– Поговорим лучше о тебе, лисонька, – предложил грек, взяв Элоизу под руку и отведя в сторону. – Я подозреваю, что слегка подпорчу твоё реноме недотроги. Уверен, многие мужчины Франции видят тебя в своих снах.

– Я не улавливаю ни одной мало-мальски ценной мысли, Маркус, – проговорила, остановившись, Элоиза. – Ты вторгаешься на мой праздник, говоришь дерзости, ведешь себя возмутительно. Могу я попросить тебя уйти?

– Не так скоро. Я позволяю себе некоторые вольности, лишь памятуя о наших близких отношениях, которые ты вряд ли рискнешь отрицать. И нам, поверь, есть что обсудить, лисонька. Поэтому приглашаю тебя отужинать со мной.

Элоиза, сощурившись, посмотрела на Маркуса. Так она действительно походила на очаровательную рыжую лисичку. Женщина попыталась отыскать в толпе Теда Чарлтона, причастность которого к этому эпизоду казалась подозрительной, но высмотреть Теда ей не удалось. Она помнила, что за миг до появления Маркуса согласилась поужинать с американцем, который хотел объяснить ей нечто важное. Поэтому она ответила Маркусу:

– Жаль, что приходится отказывать. Но мой график пребывания в Париже плотно расписан.

– Действительно, жаль, – притворно посетовал грек. – Тогда отложим это до лучших времен. Помнится, последний наш совместный ужин удался на славу. Мы многое успели, но еще большее осталось невыполненным. Придется наверстывать.

– Избавь меня от этих вульгарных намеков, – возмутилась женщина и оставила Маркуса.

– Элоиза, это восхитительно! – перехватила ее Кэти.

– Да-да, – согласилась она, не останавливаясь.

– Что случилось? Он расстроил тебя? – обеспокоенно спросила подруга.

– Пойдем к Харри: Скоро – время прощаться с гостями, – увлекла ее за собой Элоиза.

Когда последних гостей проводили, торжествующий Харри сказал:

– Дамы, Тед, предлагаю отужинать сегодня вместе и отметить это судьбоносное событие!

– Я уже приняла приглашение Теда, – поспешила откреститься от шумного застолья Элоиза.

– Не страшно. Если мы соберемся все вместе – это будет замечательно! – заявил Тед. – Мистер Коварис, не желаете присоединиться к нам? – окликнул он греческого магната, который не то- ропился покидать магазин-салон.

– Замечательная идея! – поддержал Харри, на которого успех действовал опьяняюще. – Предлагаю посетить ночной клуб в Латинском квартале.

– Боюсь, я не смогу. Я устала, – пожаловалась Кэти. – Предпочитаю вернуться в отель – к сыну и Фло.

– Подождите минуточку, – задержал Кэти мистер Чарлтон. – Я хочу вам кое-что сказать. Одно маленькое объявление! – церемонно анонсировал Тед. – Дамы и господа, хочу торжественно объявить, что накануне открытия бутика продал долю своего участия в компании «Кей-эйч-и» мистеру Коварису, который убедил меня, что заинтересован в этом успешном проекте. Я счастлив был разделить с вами, мои юные друзья, этот тернистый путь восхождения. Теперь же позвольте мне скромно удалиться. Я нахожусь в том возрасте, когда следует уступать дорогу более перспек-

тивными и молодым коллегам. Да и, если говорить откровенно, мистер Коварис сделал мне столь выгодное предложение, что я не смог отказаться. Харри меня понял. Надеюсь, поймете и вы, Элоиза.

– Я не понимаю, Тед! Как вы могли принять такое решение, не посоветовавшись с нами? – спросила ошарашенная Элоиза Смит, непонимающе оглядывая присутствующих.

– Но это не так, милая леди, – возразил ей Тед Чарлтон. – Я все обсудил с Харри. Без его согласия я никогда бы не сделал ничего подобно го.

– Харри знал, Кэти, полагаю, тоже. Узнать мое мнение, известить меня никто не посчитал нужным. Я полагала, мы сотрудничаем на позициях равноправия?! Такой тезис, во всяком случае, значится в учредительных документах.

– Прости, Элоиза, – вступил Харри. – Не думал, что ты примешь это близко к сердцу. Я и Кэти решили тебе до открытия ничего не говорить, потому что ты была занята организацией приема, – виновато произнес управляющий.

Элоиза перестала понимать, что происходит. Похоже, она стала жертвой предательства со стороны самых близких людей, каковыми со студенческих лет считала Харри и Кэти. И то, что в этом был замешан Маркус Коварис, который вел себя необъяснимо подло, чему она не могла найти достойного объяснения, задело ее больше всего.

– Мы были уверены, что с твоей стороны не будет возражений, – присоединилась к увещаниям Кэти. – Ты сама сказала, что Маркус Коварис – твой давний друг. Он предложил нам хорошие условия. Мы надеялись, что это станет для тебя приятным сюрпризом в день открытия...

– Хорош сюрприз, ничего не скажешь, – процедила Элоиза.

Она поняла, что опротестовывать что-либо бесполезно, поскольку все бумаги уже подписаны. Да и доводов у нее не было, кроме дурного предчувствия.

– Я заверил Харри, что никоим образом не собираюсь вмешиваться в управление компанией, – обратился к Элоизе Маркус Коварис. – Вот только меня не вполне устраивает название компании. Оно звучит несколько неопределенно. Ну, с чем может ассоциироваться аббревиатура «Кей-эйч-и» в мире моды? Другое дело «Ювелирный дом Элоизы Смит». Звучит элегантно, весомо. И Элоиза как дизайнер имеет на это полное право.

– Но мы вместе выбирали это название для нашей фирмы, – поспешила вмешаться Кэти. – Аббревиатура звучит загадочно, этим и привлекает к себе внимание. Мы и логотип сделали соответственный, и он успешно на нас работает, – возмущенно частила она, оскорбленная неожиданным выпадом нового совладельца.

Теперь все пребывали в подавленном настроении. Все, кроме Маркуса.

– Мы с Харри ответственные родители. Нам бы очень хотелось, но мы не сможем присоединиться к вам за ужином, – сухо проговорила Кэти, которая с трудом сдерживала обиду и негодование.

– Я еду с вами, – сказал Тед, присоединившись к возмущенной чете.

– Тогда ты со мной, – деловито сообщил Элоизе Маркус. – Обещаю незабываемый десерт.

– Спасибо, я поеду в отель с друзьями, – попыталась отказаться женщина, которая хоть и сердилась на коллег за их опрометчивый поступок, но не приветствовала желание Маркуса внести раздор в их многолетние отношения.

– Нет, Элоиза. Ты оставайся с Маркусом. Вам есть что обсудить, – с многозначительным подтекстом проговорила Кэти, которая поддалась на провокацию греческого бизнесмена и, видимо, была настроена на ссору с подругой.

– Предпочитаю решать самостоятельно, если никто из присутствующих не возражает! – резко и отчетливо проговорила Элоиза.

– Я тебя не принуждаю, Элоиза. Но нам действительно необходимо поговорить, – твердо произнес Маркус Коварис.

После всего произошедшего Элоиза решила не присоединяться к своим друзьям и позволила им уйти, надеясь на то, что по здравом размышлении они образумятся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Маркус, должна сказать прямо, я очень недовольна. Ты вторгаешься в мою жизнь после пяти лет неизвестности, забываешь обо мне после первой же ночи и возвращаешься, когда тебя не

ждут. Совершаешь необъяснимые поступки, пытаешься рассорить меня с друзьями и коллегами, с которыми я близка со студенческих лет. И проделываешь это с наивиннейшим видом. Скажи, что дурного я тебе сделала и когда?

– Просто я хочу вернуть то, что всегда принадлежало мне, – бесхитростно ответил Маркус.

– И что же это? – с саркастической усмешкой осведомилась Элоиза.

– Мы не узнаем, пока не разложим весь пасьянс до конца, – путано ответил Маркус.

– Ты вообще нормальный? – прозаически усомнилась в его адекватности англичанка.

– Не знаю. Но у меня есть колода, которую я волен тасовать, как мне заблагорассудится. И карты говорят, что ты мне должна. И не только деньги. Кстати, твой успешный ювелирный бизнес зиждется на ворованных деньгах. На деньгах, которые должны принадлежать моей семье. Пусть я не обеднел, голубка, но это вопрос принципа.

– Ты ненормальный, Маркус, либо я совсем не понимаю, о чем ты говоришь. Никогда! Повторяю, никогда в жизни я не воровала, – взволнованно проговорила Элоиза Смит, которая, как всякий честный человек, очень болезненно относилась к подобного рода обвинениям.

– Сядь! – прогремел над ее головой голос Маркуса Ковариса, сбросившего маску ироничного джентльмена.

Элоиза открыла рот, собираясь что-то возмущенно возразить. Но он повысил голос вновь:

– И молчи! Сейчас я говорю. – Склонившись над ней, он прошипел: – Меня не обманешь. Мне хорошо известно, что таится под этой личиной невинности, которую ты издавна предъявляешь миру вместо своего истинного лица. И я мог бы долго восторгаться твоим неподражаемым актерским мастерством, если бы твое притворство не погубило мою семью.

– Что за чушь! – воскликнула Элоиза.

– Молчать! – громкогласно перебил ее гневный грек. – Ты в первую очередь дочь своей матери – аферистки, какой свет не видывал. Ты мастерски овладела ее приемами и ужимками. Милое личико, опрятная одежда, невинная дружба с пожилыми миллионерами, обещание несбыточных наслаждений, а вместо них – оскудевшие банковские счета жертв. Классические схемы обмана, на которые попадались, попадают и, несмотря ни на что, будут попадаться престарелые богатеи, верящие, что время их радостей земных еще не прошло.

– По какому праву ты приплетаешь к своим обвинениям мою мать?! – рассвирепела рыжая женщина.

– Умоляю, Элоиза! Довольно этой игры в святое неведение! Никогда не поверю, что бойкая дочурка не знала, чем промышляет мамаша, – ехидно проговорил Маркус.

– Если не замолчишь, я тебе врежу! – пригрозила Элоиза.

– Хорошо... Давай предположим, что ты ничего не знаешь. Я могу объяснить, если ты успокоишься и вернешься на свое место, – указал Маркус рукой на стул.

– Бесполезная трата времени, – уверенно произнесла она.

– Увидишь, что нет... А все дело в том, что, сняв на лето одну из вилл моего дядюшки Тео, твоя очаровательная матушка, то есть сестра, как все мы думали, Хлоя соблазнила преданного семьянина и крутила с ним роман на протяжении всего пребывания на острове под носом у его супруги, которая имела глупость радушно привечать вас в своем доме...

– Ну, это, скорее, оплошность преданного семьянина, нежели моей незамужней матери, – иронически заметила Элоиза, к ярости Маркуса.

– А кто может устоять перед красивой женщиной, которая сама предлагает себя?

– Моя мать не была блудницей, – гневно процедила она.

– Я и не утверждал этого. Твоя мать была умнее, хитрее, вероломнее, чем обычные блудницы. Она была настоящей охотницей за состояниями. Соблазнив моего дядю, Хлоя потребовала от него полмиллиона фунтов стерлингов отступных, так сказать, в обмен на ее молчание. Именно эти деньги легли в основу ювелирного бизнеса малышки Элоизы Бейкер. Я проследил это по финансовым документам Тео Томбиса, который...

– Который наверняка сделал добровольное отчисление. Ты никогда не сможешь доказать, что твой дядя подвергнулся шантажу со стороны моей матери! – с вызовом произнесла Элоиза.

– Полмиллиона добровольных отчислений?! Дядя Тео мог быть романтическим идиотом, но дела он вел четко, – заверил ее Маркус. – Советую подумать об этом. И подумать о будущем твоей фирмы. Я перекупил участие Теда в не самый лучший для вас миг. Харри наделал кучу долгов, открывая парижский филиал. Когда я выкуплю ваши расписки у кредиторов, вы будете у меня в

руках. А без моей инвестиционной поддержки заглохнет и ваш дорогостоящий бизнес. Так что расплатиться со мною вы не сможете. Скажи спасибо своим друзьям, которые оказались падкими на легкие деньги и, не раздумывая, заключили соглашение со мной, дав отставку старине Теду... Так что вот какой ладненький пасьянс получается.

– И ради чего ты его разложил? – усталым голосом спросила Элоиза.

– Ради дамы червей.

– То есть?

– Ради тебя, Рыжая.

– Забудь, – отмахнулась Элоиза.

– Не получится. Ты мне должна.

– Я? Я ничего тебе не должна, Маркус.

– Хватит болтать! Вспомни о малыше Бенджи и его бестолковых родителях Кэти и Харри, которые у меня в руках, – эмоционально жестикулируя, пригрозил грек.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы аннулировать твое соглашение с Харри, которое не считаю законным, потому что никто не советовался со мной. Я не знаю, как ты уговорил Теда Чарлтона, но он возобновит сотрудничество с нами после того, как ты ретируешься с позором, – сурово предрекла женщина.

– Тогда встретимся в суде? – с необъяснимым задором воскликнул Маркус.

– Ничего не имею против судебного разбирательства, если придется к нему прибегнуть, – провозгласила Элоиза.

– Не самый бесспорный аргумент, но будь по-твоему. И заверяю тебя, я предъявлю исчерпывающие доказательства вины твоей матери. Ручаюсь, Тео Томбис был не первой и не послед ней жертвой ее убийственного очарования, – предположил Маркус.

– Вот и посмотрим на твои так называемые доказательства, – с усмешкой заметила Элоиза, поднимаясь со своего места и полагая, что экзекуция подошла к своему логическому завершению.

– Ты можешь с ними ознакомиться уже минут через десять, – бросил Маркус Коварис.

– Каким это образом? Ты освоил технологию магической материализации бредней и измышлений? – рассмеялась она.

– Нет нужды прибегать к магии, когда достаточно открыть сейф и достать папку с документацией. А сейф – в моей квартире, здесь, в Париже, в десяти минутах езды на такси... Так ты по-прежнему хочешь ознакомиться с доказательствами или предпочитаешь, судебные разбирательства?

Через четверть часа Элоиза Смит вошла в парижские апартаменты своего неприятеля. Всю дорогу на такси она подавляла его попытки смягчить атмосферу враждебности. Стоя в холле, она не считала нужным интересоваться, как устроился в Париже ее враг, какова планировка его с виду небольшой квартирки, как он обставил ее... Хотя не могла не заметить, что выдержано все в стиле наполеоновской эпохи. А в целом выглядел интерьер по-холостяцки сиротским.

– Не желаешь выпить? – галантно поинтересовался Маркус.

– Не желаю, – резко парировала Элоиза. – Не тни. Я желаю объясниться раз и навсегда. Ты обвинил меня и мою мать в воровстве без всяких на то оснований, а я этого не прощаю.

– Как скажешь, – кротко отозвался Маркус, подошел к столу, достал из ящичка, отнюдь не из сейфа, документ и передал его Элоизе. – Присаживайся пока, – указал он на маленький диванчик в рабочем кабинете. – А я все же выпью.

Пока он неспешно наливал себе виски, Элоиза вчитывалась в пожелтевший документ, согласно которому Хлоя Бейкер и Тео Томбис заключили инвестиционный договор.

По этому договору Тео обязался перевести полмиллиона фунтов стерлингов на счет «Ювелирного дома Элоизы Бейкер», но, что самое странное, в конце договора, там, где стороны заверяли документ собственными подписями, значилось имя Элоизы.

– Но я не видела этот документ прежде! И уж тем более не подписывала его! – воскликнула она. – И мое имя не Элоиза Бейкер, а Элоиза Смит.

– Посмотри на дату регистрации договора. Это было пять лет назад. Юная девушка могла запомнить! Разве это не твоя рука?

– Хлоя... Хлоя вполне могла расписаться вместо меня. Ей была известна моя подпись, – робко проговорила Элоиза, всматриваясь в хорошо знакомый росчерк.

– Значит, ты признаешь, что твоя мать занималась фальсификациями?! – поймал ее на слове

Маркус.

– Разве в семьях не случается, когда один человек ставит подпись за своего близкого родственника? Разве Харри не так поступил, когда подписал подобное соглашение с тобой, не спросив моего мнения?

– Это бумеранг, Элоиза! Единожды оступившись... – нравоучительно проговорил Маркус.

– Замолчи! – брезгливо поморщилась она.

– Предлагаю все же выпить. Тебе это не помешает, – протянул ей Маркус стакан с виски.

Элоиза машинально взяла стакан из его руки, продолжая вчитываться, всматриваться в документ пятилетней давности.

Его текст действительно не предусматривал для Тео никакого возмещения инвестированных в предприятие денег с течением времени. Можно было принять это за безвозмездное пожертвование. Однако такая крупная сумма наводила на подозрения. Анализируя это, Элоиза надеялась найти иные ответы, нежели те, которые ей предложил Маркус Коварис, обвинив Хлою Бейкер в шантаже Тео Томбиса.

– Я по-прежнему не понимаю, что это доказывает? Твой дядя заключил с моей матерью невыгодный с финансовой точки зрения договор. Это говорит только о его некомпетентности, – скептически произнесла Элоиза.

– Как у тебя появился бизнес-план? – спросил ее Маркус.

– На первом курсе я писала работу по стратегии управления малым предприятием. Я с первых дней обучения планировала учредить подобную фирму, поэтому и все курсовые делала применительно к организации собственного дизайнерского бюро. Реферат по составлению бизнес-плана я дорабатывала летом и взяла его с собой на остров, где дала просмотреть твоему дяде Тео. Он внес необходимые уточнения, дал несколько дельных рекомендаций, за что я ему очень благодарна. Но в целом он остался доволен моими собственными изысканиями, – спокойно пояснила женщина. – На последнем курсе колледжа этот бизнес-план получил окончательное оформление и вошел в выпускную квалификационную работу. К моменту окончания учебы я, Кэти и Харри имели уже весь комплект необходимой учредительной документации. И «Кей-эйч-и» – это целиком наше предприятие, к которому Тео Томбис не имеет никакого отношения, поскольку фирмы под названием «Ювелирный дом Элоизы Бейкер» никогда не существовало. Я не понимаю, для чего ты поднял этот вопрос, когда и Тео и Хлои уже нет в живых и никто не сможет дать ответ, как все обстояло в действительности.

– Деньги по этому договору были перечислены на счет, который, по банковской справке, принадлежал тебе и Хлое Бейкер, – парировал Маркус.

– Что это доказывает? Общий банковский счет матери и дочери – это еще не преступление, – иронически заметила Элоиза.

– Ты забываешь про свою подпись на договоре.

– Я бы не забыла, если бы подписала его. Любой графолог подтвердит, что это не самая искусная подделка.

– Ты настаиваешь на судебном разрешении проблемы? Представь, какой процент на полмиллиона набежал за прошедшие пять лет. Если твоя вера в справедливость судебной системы не оправдается, тебе жизни не хватит, чтобы в полном объеме возместить убыток, нанесенный вами моей семье. В то время как я могу предложить альтернативное решение, – умиротворяющим голосом проговорил Маркус.

– И в чем оно заключается? – недоверчиво осведомилась Элоиза.

– Обсудим для начала урон, – предложил он, присев напротив.

– Это интересно. – Элоиза откинулась на спинку дивана.

– Более чем... Для того чтобы удовлетворить аппетиты красавицы Хлои, Тео задействовал свободные денежные средства, которые до последнего времени составляли семейный резерв. К этим деньгам он прибегал всякий раз, когда нужно было покрыть непредвиденные убытки, всевозможные неучтенные расходы или в целях поддержания жизнеспособности бизнеса. Когда же этих денег не стало, для Тео и его компании, по стечению обстоятельств, начались тяжелые времена. Это была черед биржевых неудач и его собственных финансовых просчетов. Следующие четыре года дядя с трудом удерживался на плаву. Я многократно предлагал ему свою помощь, но он был слишком горд, чтобы принять ее от младше го родственника. Чем отчаяннее Тео старался поправить свое положение, тем рискованнее были его финансовые операции, тем они оказывались

провальнее и убыточнее для него. В конце концов, за неделю до гибели дяди его компания была признана банкротом... Такая вот история. А потом судебные исполнители пришли в дом его вдовы и дочери и описали все имущество. Конечно, я не позволил случиться худшему и взял на себя уплату его долгов. Но мне достоверно известно, кто в ответе за произошедшее. К тому же я не склонен считать его гибель трагической случайностью. Он чувствовал себя виновным за злоключение своей семьи, явившийся следствием интимной связи с твоей матерью, и наказал себя за это.

– Значит, ты взял на себя миссию мстителя? Не представляю, какую альтернативу ты можешь мне предложить, исходя из твоих кровожадных целей. – Намереваясь уйти, женщина поднялась.

– Я, как и ты, человек деловой. И знаю, что в любой ситуации есть место для компромисса... Именно так я думал, пока ты сама не вскрыла всю свою подноготную. Я говорю о твоих тепленьких отношениях с Тедом Чарлтоном, который и рад бы продолжить с тобой так называемое сотрудничество, если бы его бракоразводный процесс не обходился так дорого. Я предложил бедолаге хорошие отступные, которые ему сейчас необходимы, в благодарность за это старик Тедди поведал мне правду о ваших нежничаньях, – скабрёзно рассуждал Маркус Коварис.

– Понятия не имею, что он мог тебе порассказать, но до сегодняшнего вечера у меня с Тедом были чисто дружеские отношения, – заверила его Элоиза.

– Да-да, как и у твоей матери с Тео Томбисом, – ехидно заметил он.

– Послушай, ты, индюк напыщенный! Подумай, стала бы я ждать твоего появления спустя пять лет, если бы хотела обольстить Теда таким образом и спекулировать его благосклонностью? – откровенно негодуя, спросила Элоиза!

– Ну, зачем тебе было лишаться своего главного и такого манящего козыря – невинности? Каждому мужчине хочется разыграть эту карту хотя бы раз в жизни.

– Ты говоришь пошлости. Что бы ни утверждал Тед, я не спала с ним. Мы даже не целовались. Этого я бы просто не допустила, – решительно возразила женщина.

– Но он так сказал. Он клялся мне, несмотря на все мои сомнения.

– Я тебе не верю. Не мог Тед Чарлтон так бесстыдно лгать, как лжешь ты, – поникшим голосом проговорила она.

– Я тоже не верил ему, но он меня убедил. И знаешь как?

– Представления не имею.

– Он рассказал мне, какая ты в постели. Его описание было красноречивее всяких фото- и видеосвидетельств. Переспав с тобой, я не мог не поверить, – просмаковал Маркус.

– Ублюдок, – процедила женщина. – Ублюдки... Все вы! С меня достаточно! Я ухожу!

– Но я тебя еще не отпускал, – властным тоном проговорил Маркус. Он поднялся со своего места и угрожающе приблизился к Элоизе. – Я откупился от Теда, чтобы он не путался под ногами. Я представляю, как бы тебе трудно было метаться между нами двумя. Он такой трепетный! Это твои слова, я их запомнил. А я страстный, не так ли? Но я хочу иметь эксклюзивные права.

– Права на что?

– На тебя, котик.

– Но почему? Ты вложил в свои обличительные тирады столько неподдельного презрения, а теперь склоняешь меня к близости. Я не пони маю, Маркус. Это же нелогично, – искренне недоумевала женщина.

– А, по-моему, наоборот. Это более чем логично. Это же естественное желание – подмять под себя того, кто пытался тебя одурачить. И это тем более желательно, если в соперниках такая красавица, как ты, лисонька. Ты же знаешь, что я гурман, – нашептывал, тесня ее к дивану, Маркус.

– Я возражаю, – испуганно пролепетала Элоиза.

– И что? – беспечно спросил он, расстегивая пояс на брюках.

– Остановись, Маркус. Этому не бывать. Все давно в прошлом. Ты сам все испортил. Тебе меня не сломить, – безапелляционно объявила рыжеволосая фурия.

– А вот и посмотрим, милая. То, что ты говоришь теперь, вряд ли будет иметь значение после первого же моего поцелуя. Ты чувственная женщина. Ты понимаешь и принимаешь ласки, как никто другой. И сумеешь отделить возвышенные чувства от плотских наслаждений. Ведь отсутствие истинной любви – это еще не повод отказываться от сладких плодов страсти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Маркус был настроен решительно. Он безумно хотел ее. В такой ситуации любое слово Элоизы или действие представлялось ему дразнящим, возбуждающим.

Будь Маркус незнакомцем для Элоизы и если бы она не помнила глубокого и настоящего чувства, которое питала к этому мужчине, то непременно нашла бы способ отстоять себя.

Но Элоиза растерялась. Она знала доподлинно, что Маркус ошибается, обвиняя ее во всех грехах. У нее теплилась надежда однажды доказать ему обратное.

Она осознавала, что Маркус откровенно враждебен по отношению к ней, но не могла запретить себе думать о нем, как о первом и единственном мужчине в своей судьбе. Однако и подчиниться ему без борьбы Элоиза себе не позволяла. Это означало бы полное признание его правоты, капитуляцию, после которой она уже не могла бы быть самой собой.

Маркус же не знал никаких метаний. Он шел напролом.

Ее медовые волосы, дотоле аккуратно собранные на затылке, разметались по лицу и плечам, увлажненным его поцелуями. С кофейного столика слетела ваза с букетом тигровых лилий, раскололась со звоном, вода разлилась по ковру, цветы беспорядочно рассыпались.

– Так на чем сойдемся, Элоиза? Частное соглашение или суд? – спросил Маркус, в упор глядя в изумрудные глаза женщины.

– Я не боюсь суда! – гневно проговорила она.

Стоял июньский вечер. Золотое предзакатное свечение лилось в окно. Волосы Элоизы полыхали, вызывая в Маркусе и жажду, и голод.

– Я вижу, частным соглашением тебя не напугать, – едко заметил он, впиваясь в ее тонкую шею губами. – На этом и сойдемся. Да здравствует любовное решение финансовых разногласий! – провозгласил грек и поднял женщину на руки. – Год ты моя, или платишь долги своей матери! – выдвинул он свое условие.

– У меня нет таких денег, – призналась Элоиза.

– Тогда ответ очевиден, – самодовольно подытожил мужчина.

– Но потом мы расстанемся. Каждый пойдет своей дорогой. И не смей напоминать о себе, – поставила свои условия Элоиза, тая в его объятиях.

– Ты уже подумываешь о расставании, лисонька? Непостижимая дальновидность! – оценил Маркус, уложив ее на постель. – Меня восхищает в тебе все. Твоя красота, твое мнимое целомудрие, то хладнокровие, с каким ты ведешь деловые переговоры в постели. Должен признать, ты весьма рассудительная женщина. Было бы жаль расстаться с тобой даже через год, но, если ты на этом настаиваешь, приходится соглашаться. Однако за этот год я выжму из тебя все твои девичьи соки, весь наигрыш, всю ложь. Я пройду по тебе напалмом. Боишься?

– По мне видно, что я тебя боюсь? – насмешливо спросила его Элоиза.

– Браво, красавица. О таком сопернике можно только мечтать! – воскликнул Маркус, раздеваясь и гордо вставая перед ней.

Элоиза Смит скользила задумчивым взглядом по обнаженному торсу и бедрам Маркуса Ковариса.

Его тело было выточено природой идеально. Кроме того, он не забывал поддерживать свои безупречные пропорции в тонусе.

Одного опыта судебных разбирательств ей было довольно. Осадок оставался по сию пору. Даже добившись справедливого наказания для своего обидчика, девушка не смогла насладиться победой. Ей пришлось понять, что преступное вероломство невозможно остановить штрафами, санкциями, решеткой.

Элоиза подняла взгляд на Маркуса. Его лицо больше не угрожало, не ехидничало, не бахвалилось. Оно было сосредоточенным.

Он сел на постель возле нее, склонился и нежно поцеловал. Затем посмотрел в глаза Элоизы.

– Все равно это ничего не значит, – уверенно проговорила она.

– Я рад, что ты не заблуждаешься, – поддел ее Маркус и вновь склонился над ее губами.

– Необходимо обсудить частности, – отвернувшись, остановила его Элоиза. – Я требую, чтобы наше соглашение оставалось тайной для всех. Харри и Кэти не должны знать о твоём вероломстве, в противном случае они станут винить себя. А я этого не желаю. Не смей портить жизнь моим друзьям! – потребовала она.

– Тебе почти удалось убедить меня в своем бескорыстии, – желчно заметил он. – Соглашусь, потому что меня это устраивает. Так получится пикантнее.

Эластичное платье Элоизы легко поддавалось его рукам.

Она не сопротивлялась ему.

Только когда он навис над ней, она сказала, упершись ладонью в его грудь:

– Маркус...

– Чаще повторяй мое имя, красавица, – попросил он и поцеловал ее.

Эти поцелуи связывали их надежнее, чем всяческие соглашения. Эти поцелуи словно перечеркивали все то дурное, что было или еще будет в их отношениях. В этих поцелуях не было и не могло быть вражды и противостояния. Они были желанны для обоих, ценимы обоими.

– Все! Хватит прелюдий. Сейчас! – объявил он, одновременно проникая в нее.

Элоиза невольно восхитилась его нетерпением и обвила руками его торс.

Она чувствовала в себе настойчивое желание. Ее нежные плавные движения направляли Маркуса.

– Ты сводишь меня с ума, – пробормотал он, горячо дыша ей в лицо.

Элоиза грациозно изогнулась, приподнимаясь, и поцеловала мужчину в грудь, затем сомкнула руки вокруг его шеи.

Маркус сжал ее и, мгновенно перекатившись на спину, сел, крепко удерживая хрупкий трофей на себе.

Элоиза обвила его ногами и выгнулась чувственной дугой. Ритмично и мощно Маркус соединялся с ней.

Элоиза стремилась вслушиваться в себя, всматриваться в него. Она ощущала его одержимость, граничащую со свирепостью, и тушила напор ласковым нашептыванием. Ей вдруг показалось, что в постели она сильнее Маркуса, и эта мысль не позволяла Элоизе потерять контроль над собой...

Наконец Маркус уронил голову на ее грудь и застыл, тяжело дыша. Элоиза ласково перебирала его волосы.

Маркус неожиданно отодвинулся от нее.

– Прикройся, простынешь. – Он поднялся с кровати и в необъяснимо мрачном настроении принялся одеваться. – Затем склонился над Элоизой и, глядя в ее таинственные глаза, прошепел: – Ты очень красива, очень желанна, но ты самая аморальная женщина, какую мне приходилось встречать... Следующая дверь по коридору. Ты будешь жить там.

– Буду жить, где жила, – завернувшись в простыню, резко проговорила Элоиза. – Я возвращаюсь в отель, не хочу давать Кэти и Харри повод думать, что заключила с тобой какую-либо сделку.

– А как же наш уговор?

– Мы не семья, чтобы спать под одной крышей, – насмешливо отозвалась Элоиза.

– Нас связывают узы более крепкие, чем брачный договор. Мы с тобой партнеры в бизнесе и в постели. А еще нас связывает грязная тайна, разглашение которой не в твоих интересах. А это почище священных брачных клятв. Так что ты останешься со мной, красавица. Будешь со мной, когда я скажу. Понятно?

– Твое желание мне понятно, Маркус. Но не обольщайся. Веди себя прилично, и, может быть, я соглашусь остаться этой ночью с тобой. Но не безоговорочно и не по приказу, – спокойно произнесла Элоиза.

– Откуда в тебе такая уверенность, Рыжая? – попытался возмутиться Маркус, восхищенный ее хладнокровием.

– Был опыт, – ответила женщина.

– Я тоже не вчера родился! – повысив голос, осадил ее Маркус. – Твои Харри и Кэти не узнают о содержании нашего соглашения. За это я ручаюсь. Но я также ручаюсь, что все узнают о нашем романе. С этой минуты мы пара. И я хочу, чтобы ты ни на миг не забывала об этом.

– Значит, мы пара? Двое голубков? Трепетные влюбленные? – спросила Элоиза Смит. – Не смей меня, Маркус. В это никто не поверит.

– Постарайся. Ты – женщина Маркуса Ковариса. И хотел бы я посмотреть на того смельчака, который вздумает перейти мне дорогу, польстившись на твои прелести... Или глупца, самоуверенно заявил грек.

– Полагаешь, существует очередь из смельчаков и глупцов за право обладать мной? – рассмеялась Элоиза. – Увы! Придется тебя разочаровать, милый. И нет смысла петушиться. Если я приняла твои условия, то выполню их до конца. Только води себя, повторяю, прилично, – потребовала женщина, собирая одежду с пола. – Кэти хорошо знает меня. Она никогда не поверит, что я добровольно соглашусь вступить в неравноправные отношения с кем бы то ни было.

– Элоиза! – сказал, поймав ее за запястье, Маркус. – Ты была так нежна со мной прежде. Нам вовсе не обязательно вечно пререкайся. Рискну предположить – ты злишься на меня не потому, что я загнал тебя в жесткие рамки нашего соглашения, а лишь из-за моего длительного отсутствия. Уверен, ты ждала моего звонка после нашего первого совместного ужина. Изо дня в день, неделю за неделей. Мучилась догадками, страдала, лила слезы. Ведь так? И теперь мстишь мне за свою боль. Я понимаю тебя. Никому не нравится быть отвергнутым.

– Подумаешь, – парировала Элоиза, – один раз всплакнула, а потом все как рукой сняло. Если бы ты сейчас не сказал, сама бы и не вспомнила. Благодаря тебе я научилась это преодолевать.

– И Кэти все знает? – недоверчиво поинтересовался Маркус.

– Никто не знает ничего. И никогда не узнает. Все должно остаться только между нами, – в очередной раз повторила Элоиза.

– Хорошо, – согласился Маркус, отпустив ее руку.

– Благодарю за понимание, – отозвалась женщина. – Скажи, где телефон, я вызову такси. А лучше сделай это сам, я иду в душ.

– Слушаюсь, моя госпожа, – ядовито произнес Маркус Коварис и пошел в кабинет.

Элоиза улыбнулась ему вслед. Все оказалось даже забавным.

Главное, чему она научилась у своей мамы, – это всегда, невзирая ни на что, сохранять самообладание. И чем сложнее и безвыходнее представляется ситуация, тем яснее должно быть сознание того, что в противном случае удачи не видать.

Элоиза вышла из душа уже одетая. Маркус ждал ее у дверей. Он внимательно смотрел на нее. Она устремилась в холл, он обнял женщину за талию, привлек к себе, нагнулся к ее лицу, скользнул языком по нижней сочной губе. Затем распустил ее волосы и зарылся в них лицом.

Элоиза услышала сигнал таксиста и подалась, вперед. Маркус удерживал ее, сколько мог.

– Я поеду с тобой до отеля, – вызвался он. – Провожу тебя в твой номер.

– Нет, Маркус. Нет! До завтра! – сухо попрощалась она.

– До завтрака, – поправил он. – Если ты видишь в этом необходимость, – сдержанно ответила Элоиза и удалилась.

Элоиза не засыпала долго. В иной ситуации она вспоминала бы его любовные ласки. Но заблуждений больше не оставалось, и Элоиза раздумывала над обвинительными доводами Маркуса.

Она не могла забыть и простить того озлобления, с которым он обвинил ее и мать в воровстве.

Элоиза Смит не идеализировала Хлою Бейкер с тех пор, как стала подростком. Она понимала, что мать зарабатывает на жизнь не кропотливым трудом праведницы, а случайными удачами, используя благосклонность фортуны и богатых мужчин. Элоиза не осуждала, но и не оправдывала подобный способ существования.

Она догадывалась, что ее матери часто приходится идти на компромиссы с совестью для того, чтобы гарантировать себе и своей дочери завтрашний день. Но Элоиза не собиралась сочувствовать ее богатым покровителям, потому что Хлоя никогда ни для кого не была обузой. Веселая, остроумная, осторожная, умная, она непринужденно чувствовала себя в обществе и по праву становилась украшением любого приема. И мужчина, который появлялся там под руку с ней, вне зависимости от того, имел он с Хлоей интимные отношения или ограничивался дружескими, как чаще всего и бывало, чувствовал себя при этом превосходно.

Хлоя мастерски умела поднимать самооценку своего спутника, за это ее и любили мужчины.

Впрочем, Элоиза старалась не вникать в обстоятельства личной жизни своей матери. Они так мало были вместе, что девушка дорожила каждым миготом общения с Хлоей. Она просто любила ее, любила беззаветно – не только как мать, но и как единственного близкого человека, оставшегося после смерти бабушки и дедушки.

Маркус не запугает ее судом. Быть может, это даже лучше. Однако тогда Элоизе пришлось бы услышать много скверного о Хлое, защищаться, оправдываться, чего ее натура никогда не принимала. Элоиза относилась к той категории людей, которые предпочитали принять вызов

судьбы, нежели путем малодушных оправданий и отговорок уклониться от него.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В половине восьмого следующего утра Элоиза вошла в обеденный зал парижского отеля, в котором остановилась вместе со своими друзьями-партнерами Харри и Кэти.

На женщине были приталенный серый в полоску брючный костюм и серебристо-зеленый топ, который еле выглядывал в декольте жакета.

Элоиза выглядела свежо. Она сумела достичь этого эффекта, лишь старательно замаскировав унылый взгляд мерцающим корректором для глаз. Еще в студенческие годы Хлоя посоветовала дочери набор средств и методов, призванных скрыть следы физической усталости и нервного истощения. Ими Элоиза и пользовалась. Кроме того, она не привыкла нагружать друзей своими проблемами и заботами. Поэтому в очередной раз появилась перед ними с неизменной спокойной и теплой улыбкой на пухлых губах.

– Привет, – поздоровалась она с Харри и Кэти, присаживаясь напротив них.

– Доброе утро, – тихо отозвалась Кэти.

– Приступай к завтраку. Кофе остывает, – сообщил Харри. – Не обращай внимания на Кэти. Она сегодня слегка заторможенная. Сначала не могла заснуть, потом Бенджи завозился. Бедная Фло! Она укачивала его всю ночь, а теперь, когда парнишка сладко спит, упаковывает вещи. Мы обещали, что быстро позавтракаем и присоединимся к ней. Поэтому и не стали дожидаться тебя, заказали завтрак на собственное усмотрение, – дружелюбно разъяснил Харри.

– Правильно сделали, – ответила Элоиза, благосклонно приняв его логичное, но подозрительно многословное вступление.

Однако женщина видела, что за прошедшую ночь их напряжение, которое притворно-добродушный Харри объяснил заторможенностью от недосыпа, лишь возросло. Элоиза допускала, что ребенок дается нелегко. Но бесполезно обманывать человека, близкое знакомство с которым тянется много лет, тем более что большую часть этого времени они прожили под одной крышей. Элоиза понимала – ей придется постараться, чтобы опровергнуть их подозрения, развеять опасения, стереть обиды, сознательно спровоцированные накануне Маркусом Коварисом. Но она не торопилась, не желая наделать больших бед. Друзья сами должны созреть для откровенного разговора и полного примирения.

Элоиза сочувственно посмотрела на Кэти и Харри и подлила себе кофе из кофейника. Она знала, что через час они всем составом отправятся в аэропорт и вернутся в Лондон.

– Ты сегодня хорошо выглядишь, – медленно произнесла Кэти, прислоняясь к плечу мужа. – Хорошо прошел вчерашний вечер?

– Нет причин жаловаться.

– Что вообще за человек этот Маркус Коварис? – несколько раздраженно спросила подруга.

– Обычный, – не желая продолжать обсуждение, ответила Элоиза и сосредоточилась на завтраке.

– Нам нужно серьезно поговорить по поводу Маркуса, – заявил Харри.

– Следовало говорить раньше, до того как ты взял на себя смелость принимать за меня решения, – откровенно высказалась Элоиза.

– Он предложил очень выгодные условия. Я не мог отказаться, тем более что твой Тед Чарлтон был категорически настроен выйти из дела, – оправдывался Харри.

– Мой Тед Чарлтон? Маркус Коварис тоже, по-вашему, мой? – с вызовом посмотрела на друзей Элоиза. – А вы подумали, с чего ему вообще внедряться в наш бизнес, тем более на таких условиях?

– Он заверил нас, что вы с ним давно дружны, – вступилась за мужа Кэти.

– А я вам когда-нибудь что-то подобное говорила? – спросила Элоиза.

– Не говорила. Но это ничего не значит. Всем известно, что ты очень скрытная, – заявила Кэти.

– Вот, значит, как... – тяжело вздохнула Элоиза и опустила глаза.

Она не позволила себе расстраиваться, но разочарованно отметила, что ждала от друзей большего понимания! Претензии совершенно иного рода у нее возникли к мнимому другу Теду Чарлтону. Она еще не решила для себя, как поступит, если жизнь сведет их еще раз.

Справедливый гнев и потребность вносить во все ясность взывали к разговору по душам. Житейский же опыт требовал сдержанности, в первую очередь ради собственного же спокойствия. Элоиза понимала, что пожилой мужчина может распускать нескромные слухи о несуществующих пашнях только в одном-единственном случае – если в действительности ему подобное не светит. С этой точки зрения Тед Чарлтон был достоин всяческого сожаления.

Элоиза посмотрела на часы и сдержанно обратилась к коллегам:

– Я бы не хотела вас задерживать. На подъезде к аэропорту обычно пробки.

Она сказала это, еще не подозревая, что в дверях появился Маркус Коварис, который стремительно приближался к столу. Она заподозрила неладное, только когда увидела, что лица Кэти и Харри расплылись в слащавых улыбках.

– Доброе утро! – поспешила поприветствовать инвестора Кэти.

Харри протянул Маркусу руку.

– Доброе утро, Кэти, Харри, – сдержанно поздоровался Маркус Коварис. – Полагаю, я немного припоздал. Хотел позавтракать со своими новыми компаньонами, – сказал он, по-хозяйски располагаясь за столом.

– Нет, это мы поторопились. Вещи еще не собраны, а у нас рейс через час, – зачастила Кэти. Ее заторможенность мигом куда-то делась. Элоизе лишь оставалось хмуро наблюдать за преображением своих друзей. Впрочем, она была далека от ханжеского осуждения, поскольку не далее как прошлым вечером сама унижалась перед щедрым компаньоном и «старинным другом».

– Как вы вчера повеселились? Элоиза ничего нам не рассказывает, – завела непринужденный разговор Кэти.

– Повеселились на славу! – поведал Маркус. – Странно, что Элоиза не поделилась со столь близкими друзьями. Должно быть, это из-за того, что и вы ей не все рассказываете, – уколол он супружескую чету.

– О сюрпризах не трубят, – глупо отшутился Харри.

– Это инвестиционный договор вы называете сюрпризом? – весело уточнил Маркус, двусмысленно поглядывая на Элоизу.

– Супруга права, вещи еще не собраны. Вы не возражаете, если мы вас оставим? – затормозился Харри, явственно почувствовав, что Маркус не расположен к ним обоим.

– Вы рискуете, оставляя меня с Элоизой наедине, – поддел самоуверенного компаньона Маркус.

– Что делать, обстоятельства требуют. Да и риск невелик, – сумбурно парировал англичанин.

– Тогда в добрый путь, Кэти, Харри, – напутствовал их, привстав, Маркус.

– Благодарю, была счастлива вас повидать, – расшаркиваясь, проговорила Кэти. – Элоиза, ты не проводишь меня до лифта? – требовательно посмотрела она на подругу.

Не говоря ни слова, Элоиза встала из-за стола.

– Ты заявляла, что у тебя ничего с ним нет, – прошептала Кэти. – Когда?

– Три месяца назад... После вашего совместного ужина. И что я вижу?! Он смотрит на тебя так, словно вы – давние любовники.

– Почему тебя это тревожит, Кэти? И тебя тоже, Харри? – вызывающе спросила у коллег Элоиза.

– Хотелось бы знать, – тихо поддержал жену Харри.

– Да, господа, – кивнула Элоиза. – Мы без ума друг от друга. Мы любим друг друга, просто обожаем, – дерзко объявила она.

– Так, значит...

– Что? – колко посмотрела Элоиза в округлившиеся глаза Кэти.

– Ты спишь с ним? – прошептала та в ужасе.

– О, да!

– Но это же замечательно! – внезапно воскликнула Кэти. – А то мы с Харри волновались, – вырвалось у нее.

– Волновались... – повторила вслед за ней Элоиза.

– Да. Мы же не можем знать всех его мотивов. Но если у вас роман, это многое объясняет. И выгодные условия, и поспешность, с которой Маркус все это проделал... Мы поздравляем тебя! Правда, Харри? Это же такая удача! – Просиявшая чета зашла в лифт, и двери сомкнулись перед опешившей Элоизой.

Счастливая семья спустилась в холл отеля, когда Маркус и Элоиза еще сидели за столом. Маркус не торопился с трапезой, Элоиза оставалась все это время с ним, по его настойчивой просьбе.

– Улыбайся, не разочаровывай своих друзей, – обратился к Элоизе Маркус. – Они так рады за тебя! – издевательски заметил он.

– Настоящих друзей так просто не разочаруешь, – скептически ответила Элоиза.

– У девочки начали постепенно открываться глазки, – ехидно заметил Маркус. – Ты действительно считала, что эти двое представляют собой исключение? Удивлена, что они оказались такими же жадными и трусливыми, как и все смертные?

– Не высоко ты оцениваешь людей, Маркус, – заметила Элоиза. – А к Кэти и Харри у меня больше претензий нет.

– Что значит «больше»?

– Я ведь тоже не устояла, – откровенно признала она. – Так же пляшу под твою дудку.

– Даже лучше, – поправил ее самодовольный грек.

– Или хуже, смотря как на это посмотреть, – добавила Элоиза.

– Предлагаю совершить познавательную экскурсию по Парижу, – отбросив салфетку, предложил собеседнице Маркус.

– Экскурсию?

– Да. До моей квартиры, – охотно уточнил он.

– Прекрати, – раздраженно проговорила она, глядя в его змеиные глаза.

– До твоего номера? – изменил маршрут Маркус.

– Нет, – твердо ответила она.

– У меня есть основания полагать, что вне зависимости от собственного желания ты проведешь следующие несколько часов со мной, – резко переменив тон с шутливого на приказной, проговорил Маркус.

– Я приехала в Париж, чтобы работать, – тем же тоном ответила Элоиза. – Ты, как никто другой, должен быть заинтересован в прибыльности нашего дорогостоящего проекта.

– Когда я вождею, мне трудно думать о бизнесе. В твоих силах сделать так, чтобы моя голова вновь стала ясной. В конце концов, кто здесь босс? Даю тебе отгул, – великодушно заявил Маркус. – Так ты идешь со мной?

– У меня есть выбор?

– Конечно же, нет, Рыжая. Хочу разглядеть тебя при свете дня.

* * *

Несколькими часами позже Элоиза Смит выходила из своего нового магазина-салона. Внешне женщину можно было принять за элегантную парижанку, однако ее школьный французский оставлял желать лучшего. Но Элоиза не унывала. Она намеревалась восполнить пробелы в знаниях благодаря общению с французскими продавцами-консультантами, которых они наняли.

Маркус дожидался ее у выхода.

– Это возмутительно! – вспыхнула женщина. – По-твоему, я самостоятельно не способна провести инструктаж сотрудниц?

– Я всего лишь хотел тебе помочь, – беспечно бросил он.

– А на самом деле лишь уронил мой авторитет, – обиженно объявила Элоиза.

– Вы наняли хорошеньких продавщиц. Нужно заходить сюда почаще, – изрек он, вглядываясь в витрины.

– Собери для начала на них компромат, – посоветовала Элоиза. – Ты ведь именно так укомплектовываешь штат любовниц... Должна предупредить, что, прежде чем нанять этих девушек, мы собрали отзывы с их прежних мест работы. Они зарекомендовали себя как надежные и многократно испытанные продавщицы.

– И очень красивые.

– Этот фактор хоть и был весьма желательным, но отнюдь не определяющим, – сухо проговорила она.

– Ревнуешь?

– Я воздержусь от ответа на этот идиотский вопрос, – парировала Элоиза. – Терпеть не могу,

когда мужчины, чтобы доказать свою состоятельность, начинают вести себя подобно эгоцентричным бабуинам.

– Значит, ревнуешь, – подытожил Маркус. – Признай правду, и тебе сразу станет легче. Чего не скажешь про эгоцентричного бабуина, который спит с беспринципной змеей. Я ведь тоже ревную тебя, Рыжая. И еще как ревную! Вчера, например, заснуть не мог, когда ты укатила с этим парижским таксистом... Кстати, как он тебе?

– Кто?

– Таксист, – уточнил он.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутилась она, но взяла себя в руки, когда Маркус разразился хохотом.

– Прекрати дуться, ворчать и сердиться, – проговорил он, обняв женщину за плечи. – Гляди, какая красота кругом. Какое солнечное лето, какие стройные девушки и гибкие парни идут по улице. Цветы, любовь, я, ты, Париж!

– Что на тебя нашло?! – скептически спросила Элоиза, поежившись.

– Я счастлив! Я в восторге от того, как непредсказуема жизнь. Пять лет назад я думал, что между нами все кончено. И как приятно было узнать, что судьба распорядилась иначе. Нас, оказывается, многое связывает, Элоиза!

– И эти восторги тоже входят в процедуру экзекуции? Я обязана их выслушивать? – хмуро поинтересовалась она.

– Расслабься, Рыжая! Наслаждайся! Влейся в поток. Дыши потоком. Стань потоком! экзальтированно призывал Маркус.

– Ты хочешь швырнуть меня в Сену? – пошутила Элоиза.

– Сначала Эйфелева башня. Идем?

* * *

– Следующий пункт – Лувр, – объявил Маркус уже в сумерках. – Но не сегодня. На один день впечатлений достаточно.

– У меня ноги болят, – призналась Элоиза.

– Значит, нужно дать им отдохнуть. Берем такси и едем ко мне.

Добравшись до своей квартиры, Маркус торопливо открыл дверь и толкнул ее плечом. Войдя в темный холл, он, не включая света, нащупал пуговку на жакете Элоизы. Жакет скользнул с плеч на пол. Маркус прижал Элоизу к стене и нагнулся к ее груди.

Элоиза крепко обхватила его шею... Медленно прокладывая путь в темноте, они добрались до спальни.

Маркус положил Элоизу на постель со словами:

– Придется теперь тебя любить.

– Ты вовсе не обязан, – парировала она, рассмеявшись.

– Нет, придется. Ты так возбуждалась. Надо ублажать, – обреченно проговорил Маркус, рухнув на постель возле нее.

– Ублажай, – прошептала Элоиза.

Маркус положил обе ладони на ее грудь.

– Роскошно, – похвалил он. Скользнул ниже. – Такая жаркая, напряженная. Не думаю, что смогу когда-нибудь пресытиться тобой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Маркус присоединился к Элоизе в душе.

– Позволь, я это сделаю, – сказал он, вынимая из ее рук бутылочку с гелем.

Он медленно выдавил ароматный гель на руку и вспенил его в потоке воды.

Нежно прикасаясь к ее плечам, шее, груди, талии, бедрам и икрам, он ласково, с упоением, как ребенка, вымыл женщину.

Элоиза молча покорила ему.

Она не хотела думать, насколько он искренен с ней сейчас, потому что испытала тягу к этому мужчине.

Маркус посмотрел на нее и словно все понял. Смыв пену, он вышел из душа и, оставляя на кафеле и ковре мокрые следы, понес женщину на постель...

* * *

– Ты уже проснулась? – удивился Маркус, увидев в дверях своего кабинета Элоизу, одетую и с сумкой в руке.

– Да. Я, пожалуй, пойду, – нерешительно сказала она.

Маркус поднялся и подошел к ней.

– Никуда ты не пойдешь.

– Я хотела вернуться в отель. Там мои вещи, – объяснила она.

– Это не проблема. За твой номер я уже заплатил, а вещи доставят утром, – сообщил Маркус.

– Ты распоряжаешься моими вещами? Это немыслимо! – воскликнула женщина.

– Для твоего же удобства. Незачем возвращаться в отель. Здесь тебе будет лучше, и мне удобнее, – флиртовало добавил мужчина.

– Понятно, – обреченно кивнула Элоиза.

– То недолгое время, что нам предстоит про вести в Париже, надо потратить с максимальным эффектом... В общем, я желаю, чтобы ты постоянно находилась при мне, – требовательным тоном подытожил Маркус Коварис.

– Это свинство, если ты хочешь знать мое мнение, – обиженно проговорила женщина.

– Твое мнение меня не интересует, – сухо парировал он.

Элоиза смиренно удалилась в комнату, которую хозяин выделил для ее проживания.

Они воссоединились за скромной вечерней трапезой.

– Как долго у тебя эта квартира? – спросила Элоиза.

Он внимательно посмотрел на нее, а затем разразился хохотом.

– Что смешного я спросила? – удивилась и растерялась женщина.

– Ты меня удивляешь, Рыжая! – воскликнул он. – Я не собираюсь вести с тобой светские беседы. Это имеет смысл только на этапе соблазнения. Когда, женщина целиком моя, отпадает всякая необходимость заговаривать ей зубы, – просветил ее мужчина.

– Прости, я не знала твоих обычаев.

– Это не только мой обычай, Рыжая.

– Ну, ладно... До встречи на ринге, жеребец, – сказала она, вставая из-за стола.

– Грубо, Элоиза, – упрекнул ее Маркус.

– Я думала, ты любишь называть вещи свои ми именами, – усмехнулась она.

– Ты становишься циничной, – отметил мужчина.

– Ты и раньше был не самого высокого мнения обо мне, – равнодушно отразила упрек рыжеволосая женщина. – А за науку спасибо.

– Ты имеешь в виду секс-образование? – хвастливо уточнил Маркус.

– И прочее тоже, – холодно ответила она.

– Мы опять ссоримся, а я этого не люблю, – признался Маркус, лицо которого сделалось серьезным.

Он подошел к женщине, обнял ее за плечи и попытался поцеловать.

Ему это не удалось – Элоиза ловко вывернулась.

– Хорошо... Поговорим, – смирился со своей участью мужчина. – Ты хотела знать, давно ли я владею этой квартирой. Отвечаю: мой отец приобрел ее, когда я находился на практике в Париже, изучая язык. Как ты уже успела заметить, мой французский почти так же хорош, как у парижан. Этим я обязан своему отцу, который был в хорошем смысле старомоден и превозносил добротное традиционное образование. Он позаботился о том, чтобы его наследник свободно изъяснялся на двух европейских языках, помимо родного, – на английском и французском. В юности я всячески отлынивал, теперь же благодарен отцу за его терпение и требовательность... Я ответил на твой вопрос?

– Да, спасибо, – кивнула Элоиза, которая внимательно его выслушала. – А лондонский отель он купил для тебя в этих же целях?

– Нет. Отель приобрел я сам несколько лет назад. Я тогда учился на специализированных курсах в одном из университетов Лондона. И весь верхний этаж был тогда моей резиденцией, где

я с одноклассниками устраивал шумные попойки. Шампанское лилось рекой, друзья приводили разбитных девчонок... В общем, было очень весело, – мечтательно проговорил Маркус.

- Могу себе представить, – покачала головой Элоиза.
- Обычные холостяцкие затеи, – пожал плечами он.
- Как и то, что происходит здесь и сейчас? – с нескрываемой горечью спросила она.
- Я думал, мы помирились, Рыжая, – проговорил он, склонившись над ней.
- Забудь, – бросила Элоиза и ушла к себе.

* * *

– Этот эскиз выглядит многообещающе, – задорно сообщила Кэти, стоя за спиной Элоизы. – Очень вдохновенно. Что в очередной раз подтверждает тезис о любви, творящей чудеса... В особенности любви к достойному человеку, – глубокомысленно прибавила она.

Элоиза состроила гримасу, которую Кэти видеть не могла, и молча продолжила рисовать. Она могла возразить против довода подруги. Кэти – искренне или лукавая – давала Маркусу Коварису уж слишком высокую оценку, незаслуженно высокую. Элоиза знала это наверняка, но свое мнение предпочитала не высказывать.

- Ну и где он теперь? – спросила Кэти.
- Кто? – притворилась непонимающей Элоиза.
- Твой пылкий возлюбленный... Он не появлялся больше недели, – скорбно вздохнула коллега.

– Не знаю. Наверное, работает. Подозреваю, у него есть свои дела, – сдержанно ответила Элоиза. – Когда у тебя офис на Уолл-стрит, а резиденции раскиданы по всему миру, невозможно долго задерживаться на одном месте.

- И ты не скучаешь? – удивленно поинтересовалась Кэти.
- А у меня есть для этого время? – скептически парировала Элоиза. – На очереди открытие трех магазинов!

Прошел месяц с момента ее возвращения из Парижа. Неделя, проведенная там, запомнилась Элоизе главным образом тем, что Маркус почти не выпускал ее из своей спальни. Она лишь изредка имела возможность наведываться в магазин, дабы проконтролировать работу сотрудниц, которые, к ее радости, действительно оказались компетентными и надежными.

Маркусу быстро наскучил осмотр достопримечательностей французской столицы и ее легендарных пригородов, так что их совместное времяпрепровождение вскоре сделалось однообразным.

Элоиза не могла бы пожаловаться на Маркуса, если бы ее интересы ограничивались сексом. Она пыталась бунтовать против прописанного им постельного режима, но безрезультатно.

Утешало то, что до окончания действия их секретного пакта оставалось менее одиннадцати месяцев. Элоиза мысленно сделала первую зарубку на календаре.

Когда он наведывался в Лондон и звонил ей, чтобы договориться о совместном ужине, каждый раз повторялся один и тот же сценарий, согласно которому конечным пунктом была постель в пентхаусе его лондонского отеля, а ужин ограничивался скудным набором сэндвичей, которыми их снабжала уже закрытая для обслуживания кухня. И всякий раз среди ночи Элоиза Смит возвращалась к себе домой.

Наутро начались осторожные и не очень вопросы со стороны Кэти, уверяющей, что партии более подходящей, чем Маркус Коварис, и не придумать. За этим следовали глубокомысленные рассуждения Харри о том, как выгодно иметь заинтересованного лично инвестора в таком дорогостоящем бизнесе, как ювелирное дело. Он подкреплял свои доводы упоминаниями о крупных экономических потрясениях новейшей истории и выжимками из финансовых сводок.

И Кэти и Харри, каждый по-своему, энергично увещевали Элоизу продолжать общение с Маркусом, но при этом выспрашивали и прослеживали этапы развития их взаимоотношений, опасаясь излишнего сближения сексуальных партнеров, способного навредить их собственным интересам.

Они заметно раздражались, когда скупая на признания Элоиза оставляла их без информации к размышлению.

Несмотря на титанические усилия со всех сторон, атмосфера в доме ювелирного трио накалялась. Напряжение удавалось снять одному лишь маленькому Бенджамину, который был любимцем не только собственных родителей, но и тети Элоизы, няни Фло и подмастерья Питера.

Даже Маркус воспылал к мальчику нежными чувствами, что оказалось взаимно.

Бенджи разражался заливистым хохотом всякий раз, когда великан Коварис появлялся в их доме.

Родители ребенка умилялись, видя, как быстро драгоценный инвестор нашел общий язык с их сладеньким малышом. Но Элоизу это не трогало. Маркус – виртуозный манипулятор. Она просто не верила ему, и все.

Она не верила ему, не уважала его, отказывалась понимать, порой боялась, но... с трудом сдерживала себя, чтобы в порыве чувств не произнести теснящих грудь слов любви.

Элоиза болела любовью к этому человеку. Именно болела, поскольку здоровой эту привязанность она назвать не могла.

Тем более она не терпела досужих рассуждений Кэти и Харри на эту щекотливую тему. Они же, не понимая ее, становились все более многословными и менее скромными в высказывании версий и предположений. Порой Элоизе приходилось преодолевать мучительное искушение дать волю своим изнуренным нервам, накричать, возроптать, прослезиться, огорошить упреками. Но она смирляла себя, еще более замыкаясь...

– Мечтая, работу не доделаешь, – окликнула Кэти застывшую над эскизом Элоизу. – Гредишь о своем принце? Понимаю. До замужества я тоже постоянно думала о Харри... Разыграй свои карты правильно, подруга, и тогда вскорости мы услышим звон свадебных колоколов.

– Карты?! – брезгливо поморщилась Элоиза.

– А что я такого сказала? Да, карты. Любовь – это как пасьянс. Одна маленькая ошибка – и пасьянс не сложится.

– Избавь меня от этой пошлости, – огрызнулась женщина.

– Ты чистоплюйка, Элоиза, – обиделась Кэти. – Мы с Харри желаем тебе добра, потому что...

– Я все это уже много раз слышала, – перебила ее Элоиза. – И, чтобы пресечь твои умозрительные рассуждения, отвечу на предыдущий вопрос. Маркус сейчас в Нью-Йорке. И, скорее всего, не скучает. А я не горю желанием узнать обо всех тех женщинах, которых он удостоил своим вниманием на сей раз.

– Милая, ревность – первый признак страстной любви. Не сомневаюсь, Маркус верен тебе, – с намерением утешить подругу сообщила Кэти.

– Во-первых, ревность – это признак глупости. А, во-вторых, верность Маркуса мне не нужна. Понимай, как хочешь. Я больше ни слова не скажу. У меня много работы, – отчеканила Элоиза и демонстративно положила перед собой чистый лист бумаги.

Заканчивалась вторая неделя отсутствия Маркуса.

Гуляя в пятницу по Кенсингтону, Элоиза, наконец, вновь почувствовала себя свободной. Словно воздух стал чище и грудь свободнее.

Элоиза остановилась. Она хотела запомнить это прекрасное чувство во всех подробностях. Вникнув в собственные ощущения, она посмотрела вокруг. Казалось, Лондон кто-то вымыл и вычистил, настолько ярче и радостнее казались все краски вокруг.

Она пыталась понять, куда все это пропадало раньше, почему она разуверилась во всем, почему потеряла интерес и наблюдательность.

И ответом был Маркус. Человек, который насильственно перевернул все ее представления о самой себе. Человек, который заставил ее стыдиться себя, собственной матери и скрывать ото всех свои чувства, взгляды и желания.

Элоиза и прежде знала об этом, но нынешнее откровение принесло с собой другое открытие. Ощущая себя свободной, Элоиза больше не могла злиться на виновника своей несвободы. Ее наполнило сочувствие к несчастному тирану, каким стал для нее этот красивый грек.

Элоизе показалось, что она может вынести все. Не только год зависимости от шантажиста. Она должна попытаться помочь ему осознать собственную ошибку, недопустимость такого мстительного отношения к близким. Особенно к тем, которые душой болеют за него.

Она просто обязана сделать это.

Женщина решила все тщательно проанализировать. Ей было известно, что Маркус мстит не

из-за денег, которые Хлоя якобы хитростью выманила у Тео Томбиса. Он мстит ей за всю цепь роковых событий, коя, по его мнению, была запущена в момент появления Хлои Бейкер на вилле его родных. Но он упускал из внимания одно обстоятельство – в тот момент его дядя нуждался в присутствии такого человека, как Хлоя, с ее способностью иначе смотреть на вещи и людей. И Элоиза вспомнила мать, в красках вспомнила, какой та была, И Маркуса, который тоже не отказывал себе в удовольствии общаться с этой необыкновенной женщиной. Элоиза решила напомнить своему возлюбленному о тех волшебных каникулах в Греции.

Она ожидала его возвращения в следующий вторник. Теперь она действительно этого ждала.

– Элоиза?! – слышалось за ее спиной, и она резко обернулась.

– Тед... Тед Чарлтон. Неожиданная встреча, – многозначительно проговорила рыжеволосая женщина и сощурила изумрудные глаза. – Столько времени! И ни слуху ни духу.

– Виновен, – притворно сконфузился Тед. – Помнится, я приглашал вас отужинать, но жизнь внесла коррективы. А ведь нам есть о чем поговорить.

– И о чем же? – требовательно спросила Элоиза.

– Зайдемте в какой-нибудь бар, выпьем по стаканчику, – предложил ей Тед Чарлтон. – Может быть, перекусим. Я бы не отказался.

В Кенсингтоне на выбор было множество подходящих заведений. Элоиза и Тед остановились на уютном французском ресторанчике.

– Из светских новостей я знаю, что вы встречаетесь с Маркусом Коварисом, – начал Тед.

– Вы об этом хотели поговорить со мной? – сухо осведомилась она.

– Я безразличен к вашей судьбе, – проговорил американец. – Вы мне симпатичны. Я желаю вам с Маркусом всяческих благ.

– И именно поэтому вы прибегли к лжесвидетельству, – беззлобно упрекнула его Элоиза.

– Я понимаю ваше недовольство, милая леди. Я тогда солгал, беседуя с Маркусом. Мне очень стыдно, поверьте. Не следовало этого делать. Мужское бахвальство – ничем другим эту глупость не могу объяснить, – пролепетал мистер Чарлтон.

– Не думаю, что когда-нибудь смогу это понять, – сдержанно заметила Элоиза.

– Я не осмелюсь просить вас встать на мое место. Но представьте, как должен чувствовать себя мужчина, пожилой, несимпатичный, лучшие времена которого остались позади, разговаривая с молодым, успешным, перспективным красавцем, претендующим на женщину, к которой старик неравнодушен...

– Ну и?.. – безразлично проговорила она.

– Вы правы, я выставил себя не в лучшем свете, – понуро согласился американец.

– Слушайте, Тед. Кончайте вилить. Вы можете сказать откровенно, что произошло? Почему вы продали свою долю в нашем проекте Коварису? – пресекла его унылые разглагольствования женщина.

– Нужда заставила, – виновато сказал он.

– Никогда не поверю, что миллионера Чарлтона постигла нужда, – недоверчиво откликнулась Элоиза.

– Моя жена... Она вцепилась в меня клещами, – посетовал незадачливый супруг. – А Маркус, он, не торгуясь, заплатил мне столько, сколько я попросил.

– Он вышел на вас или вы на него?

– Мне неловко говорить об этом, – замялся Тед Чарлтон.

– Я настаиваю.

– Я связался с Маркусом накануне открытия парижского бутика. Я знал, что он в городе, вспомнил, как он смотрел на вас... ну, когда вы нас познакомили.

– Но с чего вы взяли, что Коварис заинтересуется ювелирным бизнесом? – допытывалась Элоиза.

– Бросьте! – махнул рукой Тед Чарлтон. – Причем тут ювелирный бизнес? Вы полагаете, я ввязался в эту авантюру в расчете на доходы?

– Но вы меня уверяли...

– Зубы заговаривал, – бросил Тед. – Меня интересовали вы. Но, как говорить, не выгорело. У Маркуса, как я вижу, все получилось.

– Иными словами, вы продали ему право доступа ко мне. Право, которым вас никто не надеялся. И после этого имеете наглость так запросто со мной заговаривать на улице. Вы, оклеветавший

меня!

– Вы правы. Правы от первого до последнего слова. Я поступил как настоящий мерзавец. Но все дело в том, что я пригласил Маркуса Ковариса в свой отель. Он пришел с той самой блондинкой, Надин. Мы разговорились, много выпили... Вернее, я много выпил. Рассказал ему про свой развод...

– Вы всем рассказываете про свой развод? – возмутилась Элоиза.

– Ничего не могу с собой поделаться, – повiniлся американец.

– Что было дальше?

– Он стал обращаться со мной высокомерно, похвалялся своими победами, не церемонился и с Надин. Я возьми да и скажи, что переспал с вами. Сам не знаю, как это вырвалось. И смотрю, он рассвирепел, но сдержался. Снова налил мне выпить, вызвал для Надин такси, отправил ее, а сам остался. Так мы и сговорились. После чего я связался с Харри, объяснил ему причины своей поспешности. Оказалось, что он и Маркус уже однажды встречались у вас в доме... Я очень вам навредил, Элоиза?

– Не будем об этом, – воздержалась от комментариев женщина.

– Простите меня. Но я был уверен, что вы равнодушны к этому парню.

– К вам я тоже долгое время была неравнодушна, Тед. И как вы распорядились моей симпатией? – без обиняков спросила Элоиза.

– Виноват. Все признаю...

* * *

Маркус Коварис вынырнул из темного нутра такси. Направился к дому.

Маркус надеялся удивить Элоизу...

Накануне поздно ночью он звонил ей по телефону. Заверил, что задержится до вторника. Сделал это сознательно, чтобы посмотреть, как изменится ее лицо, когда она увидит его на своем пороге.

Он прислушался к шуму в доме. Ему показалось, что работает телевизор.

Маркус решительно нажал на дверной звонок.

Женщина появилась на пороге в простом голубом платье.

– Элоиза, дорогая! – кинулся к ней Маркус с объятиями.

– Ты уже вернулся? – выказала сдержанное удивление Элоиза. – Не ждала тебя так рано, – присовокупила она.

– Я все отменил, потому что спешил к тебе, дорогая! – гордо сообщил мужчина.

– Вот как? – тихо откликнулась она.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Ты скучала? – спросил он, неистово обняв женщину.

– Да, – явно нехотя отозвалась она.

– Ты меня обманываешь, Рыжая. Почему? Я по тебе очень скучал, – объявил он.

– Лестно, – констатировала она.

– Да что такое с тобой?! – воскликнул Маркус. – Мы так давно не виделись. Ты не могла бы встретить меня радужнее?

– Прости, что не оправдала твоих ожиданий, – сухо парировала Элоиза.

Он шел за ней по коридору, любуясь плавно покачивающимися женскими бедрами.

Он проследовал до гостиной, где, к своему немалому удивлению, застал Теда Чарлтона.

– Ах, ты, шлюха! – напустился на нее Маркус Коварис.

Элоиза Смит лишь устало посмотрела на него и отвернулась.

– Можно подумать, ты раньше этого не знал, – лениво съязвила она и удобно устроилась в кресле.

– Ты можешь мне объяснить, что здесь делает этот... – Маркус брезгливо указал на Теда. – Нет, – прервал он самого себя. – Позволь, я сам догадаюсь – патетически воскликнул грек. – Больше недели провести в одиночестве ты уже не в состоянии. Все равно кто – лишь бы тебя ублажали!

Элоиза тихо посмеивалась, не собираясь защищаться, что и насторожило Маркуса, который наконец замолк.

– Ты выговорился? – тихо спросила его рыжеволосая женщина. – Ты способен выслушать меня или намерен продолжать свой параноидальный бред?

– Ты мне ответишь, что он здесь делает? – вновь воскликнул Маркус, тыча пальцем в Теда, испуганно затихшего в кресле.

– Позволь напомнить, что ты находишься в моем доме! – Настало время для неистовства Элоизы. – Не тебе контролировать входящих и выходящих из него. И мне претит оправдываться перед кем бы то ни было, в особенности перед тобой. Но чтобы окончательно посрамить тебя, скажу, что Тед пришел получить мою консультацию. Он собрался выбрать духи для своей подруги и хочет знать мое мнение. А поскольку ты так удачно оказался в Лондоне и решил заглянуть ко мне после полумесечного отсутствия, думаю, Тед сообщит тебе еще кое-что. Да, Тед? Вы скажете мистеру Коварису то, что давно должны были ему сказать? – требовательно обратилась к Теду Элоиза.

– Не собираюсь я слушать этого мямлю. По твоему наущению этот нытик что угодно скажет. Я задал вопрос тебе. Что тут вас? Отвечай! – грозно двинулся на Элоизу разгневанный мужчина.

– До твоего появления был мирный ленч. А что творится теперь, тебе виднее, Маркус, – убийственно тихо проговорила женщина. – Присядь, Коварис, и успокойся... Почему вы молчите, Тед? Ждете, пока он вас прикончит? – вновь обратилась она к трусливому американцу.

– Не глупите, Коварис, – робко начал тот.

– Надо же! Он заговорил! – с издевкой произнес Маркус и двинулся на Теда.

– Я знаю, вы оба злитесь на меня. Но послушайте, я все вам объясню...

– Так объясняйте же скорее, Чарлтон, не бормочите! – прикрикнула на него Элоиза, теряющая терпение.

– Вы правы, Элоиза... Маркус, я вам солгал. Не понимаю, как вы могли мне поверить. Мы с мисс Смит не любовники. Не было этого никогда. Я лишь хотел прихвастнуть, вот и ляпнул по пьяни. Вы же помните, как дело было... Странно, что вы этому поверили, Коварис. Посмотрите на мисс Смит и на меня. Я бы ей такого и предложить не посмел, – мямлил Чарлтон.

– Какого черта он несет? – уставился на Элоизу Маркус.

– А ты не слышишь? – она удивленно приподняла брови, сохраняя олимпийское спокойствие.

– Слышу. То есть ты все выдумал, мерзавец?

– Людям свойственно выдавать желаемое за действительное, – философски заметил Чарлтон.

– Ты у меня сейчас схлопочешь, похотливый старикашка! – погрозил ему кулаком рослый атлет.

– Мне всего пятьдесят. Я не так стар, как вам кажется, и еще могу постоять за себя, – гордо выпалил лысоватый господин.

– Если собираетесь подраться, вон из моего дома! – потребовала Элоиза. – Этажом выше ребенок спит.

– Уйдет он! – указал пальцем на Теда Маркус.

– Мне действительно уже пора, – обрадованно засуетился Тед. – Элоиза, как вы позволяете ему так с собой обращаться? Я никогда не вел себя подобным образом со своей женой.

– Элоиза моя! Моя! Понял, ты, лысый гринго! – кинул ему вслед Маркус и в доказательство своих слов звучно ударил себя в грудь. – А что касается твоей жены, то я лучше промолчу!

Элоиза ошарашено уставилась на него и проговорила:

– Настоящий бабуин.

– Пусть радуется, что унес ноги, враль! – гордо отозвался Маркус и уселся напротив Элоизы с очень довольным видом. – Так что, говоришь, у вас тут было? Любовное свидание? – ласково спросил он Элоизу, когда удирающий Тед хлопнул входной дверью.

Она мрачно посмотрела на Маркуса.

– Ладно, я пошутил, – заверил он женщину и признался: – Сам не понимаю, как мог поверить этому плешивому хмырю.

– Наверное, ты очень этого хотел, – предположила Элоиза.

Маркус внимательно всмотрелся в нее, и его взгляд внезапно сделался теплым.

Элоиза, опасаясь вновь ошибиться, сделала вид, что не заметила этого, оставаясь строгой, и

бесстрастной, тогда как сердце в груди затрепетало.

За то время, в течение которого Маркус Коварис был инвестором дизайнерского бюро «Кей-эйч-и», он многое успел выяснить.

Он узнал, например, что, согласно учредительным и регистрационным документам, фирма была создана через девять месяцев после смерти Хлои Бейкер. Средства, которые вложила в бизнес Элоиза, получены ею по завещанию бабушки и дедушки. Кроме того, из отдельных высказываний Харри, с которым он провел ряд деловых совещаний, следовало, что Элоиза в своих взаимоотношениях с представителями противоположного пола была чрезвычайно избирательна и до пуританства взыскательна. Из чего Маркус сделал приятный для себя вывод – малышка Элоиза не пошла по стопам своей матери, хотя увериться в этом оказалось очень сложно, что и подтвердили его недавние нападки на Теда.

Но он уже понял: интимной связи с американцем у Элоизы не было. Словно камень упал с сердца – так чувствовал себя Маркус...

Он продолжал молча разглядывать Элоизу, отчего та заметно занервничала. Ее волнение выдавали отведенный в сторону взгляд и порывистые движения.

В противоположность ей Маркус испытывал удовлетворение. Сбросив пар, отведя душу на бедняге Теде, он принялся меланхолично вспоминать о том, как увидел Элоизу в первый раз.

И, странно подумать, все эти пять лет он не забывал ее, хоть и делал это всегда по-разному. Начавшись с простой симпатии, его отношение к этой женщине претерпело множество метаморфоз. Он и желал ее, и стремился забыть, и страдал от обиды, грезил о несбыточном, сожалел о произошедшем, потом презирал, ненавидел и снова желал.

Теперь, в тридцать четыре года, он должен был на что-то решиться, потому и поспешил из Нью-Йорка сюда...

– Ну, что ты на меня так смотришь? – наконец не выдержала Элоиза.

– Так какие духи ты посоветовала купить этому скунсу?

– Какое это имеет значение? – спросила Элоиза, недовольная тем, что разговор вновь вернулся к Теду Чарлтону. – Для тебя это все – игра. Ты вторгся в мою жизнь, чтобы поразвлечься, Маркус. Ты никогда не убедишь меня, что тебя действительно волнует то, чем я живу. Ты доказал Теду, что распоряжаешься мною, и будь этим доволен.

– Ты несправедлива, Рыжая. Меня волнует все, что связано с тобой. Меня волнует то, что мы так давно не виделись и до сих пор не поцеловались, – разъярил Маркус.

Сказав это, он подошел к Элоизе, присел на корточки и подарил ей долгий упоительный поцелуй, получив в финале звонкую пощечину.

– Какого черта?! – воскликнул оторопевший Маркус.

– А ты не догадываешься? – спросила его Элоиза.

– Ты меня ударила!

– Совершенно верно, – подтвердила рыжеволосая женщина.

– За что? – искренне удивился он.

– Как ты меня назвал, когда вошел? – задала она наводящий вопрос. – Это было очень грубо, Маркус. Я обиделась. Но и без этого достаточно было оснований для пощечины, даже более хлесткой. Только я, непонятно почему, терпела. Дурно даже не то, что ты назвал меня шлюхой. А то, что обращался со мной, как с таковой. И еще осмеиваешься спрашивать, за что?! Сам исчезаешь, когда заблагорассудится, пропадаешь неизвестно где, якшаешься со всякими... А с меня требуешь объяснений?! Проваливай-ка ты вслед за Тедом! – красноречиво указала на выход Элоиза.

– Ну, ты и крута! – вынужден был признать ошарашенный мужчина.

– Мне плевать, что ты обо мне думаешь! – заявила она.

– Да хорошо я о тебе думаю. Хорошо! – поторопился объявить Маркус. – И вообще, ты самая классная, Элоиза! Только успокойся... А я был дурак, – чистосердечно признался он. – Но ты ведь все равно любишь меня?

– Кто говорит о любви? – насторожилась Элоиза.

– А разве это не очевидно? – удивился Маркус.

– Только не для меня. Я с тобой потому, что ты меня заставил, – напомнила ему женщина.

– Ну, полно лукавить, Рыжая! – И Маркус с шаловливой улыбкой вновь собрался поцеловать Элоизу, но та отклонила.

Если это и остановило Маркуса Ковариса, то ненадолго. Он сумел-таки притянуть Элоизу к

себе и поцеловать.

– Пусть ты мне нравишься, но это ничего не значит, – пролепетала она.

– Почему на тебе всегда так много одежды? Сейчас же лето! – Маркус запутался в пуговицах.

Элоиза рассмеялась и помогла ему справиться с застежкой.

На следующее утро Элоиза проснулась рано и сладко потянулась. Она случайно задела рукой Маркуса и вздрогнула от неожиданности – женщина успела отвыкнуть от его присутствия.

Он невозмутимо посапывал на соседней подушке.

Элоиза повернулась к Маркусу. Она мысленно касалась его лица. Нежно гладила взглядом его черты. Он был спокоен и красив. Он был удивителен...

Элоиза улыбнулась и осторожно коснулась рукой его темных спутавшихся волос.

– Что такое? – пробурчал Маркус, легонько шлепнув ее по руке.

Элоиза рассмеялась и закусила нижнюю губу, задорно глядя на забавно хмурящегося со сна Маркуса.

– Я думала, ты еще спишь.

– Я и спал, пока ты меня не разбудила, – вновь буркнул он, натянув на плечи простыню.

– Ну, прости меня, ворчун, – ущипнула она его за нос.

– Прекрати хулиганить, – схватил ее за руку Маркус. – Вечно ты ко мне пристаешь со своими домогательствами, женщина, – заявил он, поднимаясь.

– Я к тебе пристаю? Вот новость! – воскликнула Элоиза. – Куда ты засобирался? Еще рано. Посмотри на часы.

– У меня планы. Иду готовить завтрак. А собираться будешь ты... Как тебе понравится ужин в Греции?

– Ты шутишь?

– Нисколько, – покачал он головой. – Я серьезен, как никогда. Не теряй время. Начинай упаковывать вещи, – безапелляционно распорядился Маркус.

– Но я не могу так внезапно уехать из Лондона, – заверила его женщина.

– Это почему? Что тебе мешает? – удивился он.

– У меня есть дела, работа, обязательства. – Элоиза присела на кровать.

– А я не могу тебя здесь оставить, – объявил Маркус.

– Вот уж это действительно смешно! – воскликнула она. – Здесь мой дом. Как это ты не можешь меня оставить?!

– Пять лет назад я уже оставил тебя, и что из этого вышло?

– Что?

– Неразбериха! – ответил Маркус.

– Но ты все время разъезжаешь. За последние полтора месяца где ты только не был... без меня.

– Это другое, – немотивированно заверил ее Маркус.

– Ничего не понимаю, – проговорила Элоиза.

– Тебе и не нужно. Просто делай, что я говорю. Мы летим на Рикос. Я хочу, чтобы ты пожила там. Моя семья о тебе позаботится.

– Почему обо мне кто-то должен заботиться?! – возмутилась Элоиза. – Я могу позаботиться о себе сама. Еще не хватало, чтобы ты отправил меня в ссылку. Не поеду! – категорически объявила женщина.

– Посмотрим! – прикрикнул на нее Маркус и распахнул платяной шкаф.

Он достал дорожную сумку и принялся беспорядочно запихивать в нее вещи Элоизы, приговаривая:

– Ты возьмешь это, это... и, пожалуй, еще вот это. А если я делаю что-то не так, то тебе же хуже. Потому что в любом случае ты летишь на Рикос, ибо я так сказал!

– Не лечу, и насильно ты меня туда не затащишь!

– Ты все время забываешь о нашем соглашении, Рыжая! – гневно напомнил Маркус.

– Ты хочешь сломать мне жизнь? Здесь мои друзья, моя работа. Почему я должна лететь в Грецию? – в отчаянии вопрошала она.

– Насчет друзей не преувеличивай, а рисовать свои эскизы ты можешь хоть на Луне!

– Но я не хочу.

– А тебя никто не спрашивает, – отрезал он.
– Ты невозможен! Я тебя ненавижу! – воскликнула женщина.
– Кто бы говорил! – издевательски парировал Маркус. – Достаточно мне немножко приласкать тебя, ты сразу становишься как шелковая.
– Ты бесстыдно пользуешься моей слабостью, – упрекнула его Элоиза.
– А что мне еще остается? – ухмыльнулся он и по-хозяйски обнял женщину за талию.

* * *

– Твои газеты, – сказала, входя в кухню, Кэти и протянула Элоизе стопку утренней корреспонденции. – Что за запах! Кто сварил этот изумительный кофе?! – льстиво вопрошала она, прекрасно зная, что кофе приготовил в электрокофеварке Маркус.

Элоиза для собственного удобства все газеты начинала листать с середины. Она распахнула одну из них и обомлела. Кровь отхлынула от ее лица. Она нервно вчитывалась в статью, в строках которой глаз выхватил имя: «Рик Притчард».

Элоиза поспешила вернуть себе самообладание. Она огляделась. Похоже, Маркус и Кэти не заметили ее оторопи. Они болтали, и Кэти над чем-то хохотала.

Элоиза попыталась прислушаться к их разговору, но не смогла сосредоточиться. Ее в этот момент больше волновало содержание статьи. Она стала вчитываться. Внимательно изучив статью, Элоиза подумала, что предложение Маркуса лететь с ним в Грецию поступило как нельзя кстати.

* * *

Ее красивые зеленые глаза словно вбирали в себя сочную зелень острова.

Облокотившись о перила, Элоиза стояла на той самой террасе, где пять лет назад встретила Маркуса Ковариса, и смотрела вокруг, наслаждаясь настоящим и нахлынувшими воспоминаниями.

Ирония судьбы заключалась в том, что, только увидев в газете ненавистное имя Рика Притчарда, она могла в полной мере насладиться возвращением на полюбившийся ей в юности остров.

Грусть охватывала лишь от понимания того, что невинной юности уже не вернуть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Неспешно и аккуратно Элоиза Смит распаковывала свои вещи. Ящички комода были выдвинуты, створки платяного шкафа распахнуты.

– Чем занимаешься? – спросил Маркус, войдя в ее комнату и бухнувшись на кровать.

Элоиза оторвалась от своего занятия и посмотрела на мужчину. В потертых джинсах, босой, с обнаженным торсом, он вальяжно расположился на постели и наблюдал за ее действиями.

– А на что это похоже? Есть какие-нибудь версии? – скептически спросила его женщина.

– Могла попросить горничную. Она бы все разложила, – назидательно произнес Маркус.

– Даже в голову не могло такое прийти. Обычно все делаю самостоятельно. Я, насколько тебе известно, не избалована комфортом. Живу как все смертные, – с упреком проговорила Элоиза Смит.

– Да-да... Труженица, скромница, самоотверженная подруга, – издевательски заметил хозяин виллы. – Я тоже, знаешь ли, на шее ни у кого не сижу. Но если я плачу своим служащим за работу, то пусть они ее выполняют... И нечего тут морализировать! – гневно бросил Маркус и поднялся с постели.

– Не злись, – спокойно сказала Элоиза. – Я не предполагала, что это для тебя вопрос принципа. – Желая утихомирить мужчину, она положила обратно в чемодан стопку вещей, которую держала в руках.

– Я сейчас позову горничную, и ты отдашь распоряжения. Подожди, – предупредил ее Маркус. – Ты моя гостя. Я велел им позаботиться о тебе, – сообщил он, выходя из комнаты.

– Хорошо, я подожду, – кротко согласилась Элоиза, тяжело вздохнула и села на край постели.

Но через миг он снова влетел в комнату и, увидев ее в ожидании, сказал:

– Вот, правильно. Жди. Обещай, что не пойдешь в душ без меня.

Элоиза послушно кивнула, и Маркус вновь удалился. В конце концов, она такая же его служащая, как и горничные, повара, водители и садовники. И, как он заметил, все они должны выполнять свою работу, честно отрабатывать деньги.

– Как скажешь, – пробормотала Элоиза себе поднос.

Оставив горничную в спальне, Маркус увлек Элоизу под струю душа. Обойдясь без длительных прелюдий, он наслаждался близостью с нею, словно давно планировал это. Маркус был горд собой, однако и Элоиза была вполне довольна.

Завернув краны, Маркус сказал Элоизе:

– Я пойду одеваться. Ты тоже поторопись. Не помню, говорил ли тебе, что тетя Кристина и Стелла присоединятся к нам за коктейлями.

Конечно же, он этого ей не говорил.

Элоиза не предполагала, что ей придется увидеться с его родней так скоро. Она помнила их как очень милых людей, но после заявления Маркуса о том, что Хлоя склонила дотоле благодушного и верного дядю Тео к измене, отчего все семейство Томбисов сделалось несчастным, она несколько опасалась встречи с этими женщинами, которые только год назад потеряли своего отца и мужа.

– Хорошо, – послушно ответила Элоиза и порадовалась, наконец, оставшись в одиночестве. Элоиза завернулась в полотенце и критически посмотрела на свое отражение. В сложившейся ситуации она против обыкновения не хотела производить впечатление самоуверенной красавицы. Она с неудовольствием посмотрела на свою огненную шевелюру. И ее вновь охватило волнение, подобное тому, которое она испытала, найдя в газете ненавистное имя Рика Притчарда. Женщине захотелось стать крошечной или исчезнуть вообще...

Вопреки ее ожиданиям живущие по соседству Кристина и Стелла пришли не на коктейль, а на ужин. А это означало более длительное и обстоятельное общение. Элоиза лишь не могла понять, для чего Маркусу понадобилось перевирать факты, если он сам пригласил их поужинать вместе по случаю его возвращения.

Тетя Кристина была младшей сестрой матери Маркуса. Невысокая полноватая женщина с глазами темными, как маслины. Семнадцатилетняя дочь Стелла была ее более молодой копией.

За ужином Элоиза сделала смелое, но не бесспорное предположение – возможно, Кристина пребывает в неведении относительно мнимой интимной связи между Тео Томбисом и Хлоей Бейкер, поскольку тетушка Маркуса была неподдельно любезна с ней, добродушно отзывалась о ее матери, которую по старой памяти называла сестрой Элоизы. Так что под конец ужина она смогла расслабиться и насладиться остатками изысканных блюд, которые до этого лишь механически пережевывала и проглатывала всякий раз, когда к ней обращались с очередным вопросом.

– Вы первая девушка моего племянника, которую он решил представить семье. Должна заметить, что вам повезло, дорогая. Наш Маркус – настоящее сокровище. Более заботливого и терпеливого племянника и представить невозможно... Маркус, не надо хмуриться. Я говорю как есть.

Элоиза растерянно кивнула, не зная, что лучше – отмолчаться или во всеуслышание заявить о своем несказанном везении. Она помолчала, надеясь, что Маркус придет ей на помощь и сгладит эту неловкость. Но напрасно она рассчитывала на его участливость. Он, так же как и его тетя с кузиной, терпеливо дожидался ответа Элоизы.

Наконец она ослепительно улыбнулась и потупилась. Тогда ее оставили в покое.

Прощаясь, Кристина и Стелла по-родственному расцеловались с Элоизой и пожелали ей от души всего самого лучшего. Элоиза искренне поблагодарила женщин.

Она вздохнула с неподдельным облегчением, когда пухленькие и говорливые родственницы Маркуса удалились.

Но главный вопрос оставался открытым. Она не могла допустить, что женщина, которая знает об интрижке покойной матери Элоизы с ее супругом, стала бы так вести себя всего через год после гибели последнего. Да и существовала ли эта связь вообще? Как могла Кристина не заподозрить мужа в измене, если любовница занимала соседнюю виллу? Кто сказал, что измена была? Маркус!

Элоиза задумчиво посмотрела на Маркуса, который глядел вслед удаляющимся родственни-

цам.

Он заметил ее недоверчивый взгляд, обнял за талию и повел в дом со словами:

– А не выпить ли нам еще по стаканчику?

– Думаю, не стоит, учитывая, что мы и так изрядно выпили, – сдержанно проговорила Элоиза, пытаясь разобраться в круговерти подозрений и версий.

– Что с тобой? – спросил он, проведя рукой вдоль ее позвоночника. – Если не хочешь, насильно спаивать не буду, – рассмеялся он.

– Как мило с твоей стороны, – едко заметила Элоиза.

– Просто посидим на террасе, дорогая. Подышим воздухом перед сном... Ты иди. А я принесу себе выпить, – отослал ее на террасу Маркус и вернулся к бару.

С самого момента приезда он пребывал в состоянии эйфории, которое диссонировало с ослабевающим напряжением Элоизы.

– Ты нравишься тетушке Кристине и малышке Стелле. Я и прежде это замечал, – объявил Маркус, появившись на террасе. Элоиза вздрогнула.

– Да, они очаровательны, – взяв себя в руки, откликнулась женщина. – В иных обстоятельствах я бы могла подумать, что смогу с ними сдружиться.

– А чем тебя не устраивают нынешние обстоятельства? – небрежно поинтересовался Маркус. Элоиза резко повернулась к нему и испепеляюще посмотрела.

– Что? Что такого я сказал? – развел он руками.

Элоиза Смит ухмыльнулась и, едко улыбнувшись, проговорила:

– Ничего, если ты так считаешь.

– Да что с тобой такое, я никак не пойму! – воскликнул мужчина. – Мы приехали сюда отдохнуть, насладиться жизнью. Все, абсолютно все идет замечательно. Я не понимаю, почему ты придираешься к каждому моему слову! С тех пор как мы вылетели из Лондона, с тобой невозможно разговаривать, – отчитал ее обиженный Маркус.

– Прости, не хочу портить тебе отдых. Расслабляйся, – сказала Элоиза и поднялась с шезлонга.

– Ты куда? – удивился он.

– Сегодня я не лучшая собеседница, – самокритично объявила она.

– Ты можешь сесть и внятно объяснить, что именно тебя тревожит?

– Зачем?

– Это мой дом, и я хочу быть здесь счастлив. Потрудись объяснить, что тебе мешает разделить это состояние со мной? – потребовал хозяин.

– Хочешь знать? Хорошо, – злобно согласилась она. – Усталость, сознание того, что я оказалась здесь, не по собственной воле, неспособность радоваться по команде, настроение, которое просто не совпадает с твоим. Такие объяснения тебя устраивают?

Воцарилось напряженное молчание. Маркус забыл про виски и сурово уставился на Элоизу. Она отплатила ему не менее суровым взглядом.

Наконец он сказал:

– Спустимся в сад, посидим на скамейке.

– Хорошо. Как скажешь, – вызывающе ответила Элоиза.

– Идем, – пройдя вперед, позвал он ее за собой.

– Идем, – приблизившись к нему, эхом отозвалась женщина.

Они молча спустились и сели на скамью в конце сада, там, где начинался пустынный пляж и шумело море.

Элоиза и сама хотела бы понять причину своих тревог. Но это было затруднительно. Слишком много скопилось вопросов, и ни одного ответа.

Море мерно раскачивалось перед ними. Разговаривать не хотелось ни Маркусу, ни Элоизе.

Спускалась густая южная ночь, трещали и щебетали обитатели сада за их спиной. Шелестел песок. Над головами листва шептала свои зеленые тайны.

Постепенно взгляд Элоизы затуманился. Мало что различая во мраке, она глядела словно в темную бездну, что протянулась до самого горизонта.

Ее ресницы безвольно опустились. Она откинулась на спинку скамьи.

Маркус молча наблюдал за женщиной. Когда она задышала ровно и плавно, он тихо предложил:

– Пройдемся вдоль берега.

Элоиза подняла на него глаза, затем кивнула. Наклонившись, она расстегнула пряжки своих сандалий и ступила босыми ногами на теплый песок.

Маркус закатал брюки и подвел ее к зыбкой границе, где море сходилось с берегом. И, шлепая по набегающим волнам, потянул ее за собой. Из-за облаков выглянула полная луна. Они разом подняли глаза в надежде задержать это ускользающее зрелище.

Когда луна притаилась за очередным облачком, Маркус дернул Элоизу за руку и бросил клич:

– Побежали.

– Я устала, – возразила она.

– Брось! Развеешься, – пообещал он: – Поверь мне, нет способа лучше!

Элоиза лениво побрела вслед за ним, с каждым шагом прибавляя темп.

– Не догонишь! – подзадоривал ее Маркус, на ходу срывая с себя рубашку.

Элоиза побежала, поскольку перестала различать его силуэт.

Маркус играл в поддавки, поэтому вскоре она его догнала.

– Теперь твоя очередь убежать, – сообщил ей Маркус.

– А мы разве играем? – удивилась женщина.

– Да. Эта игра называется «салочки», если ты забыла, – проинформировал ее Маркус.

– Это несолидно.

– Никаких возражений, – рассмеялся он и поторопил ее флигельным шлепком по ягодице.

Элоиза не пробежала и десяти метров, Маркус поймал ее, ухватив за пояс платья. Свободное летнее платье легко соскользнуло с ее плеч. Маркус расстелил его на песке.

Элоиза легла поверх платья. Маркус склонился над ней. Она вложила свою маленькую ладонь в его большую лапищу и потянулась к его губам.

– Ты бесподобна, – польстил ей Маркус. – Каждый раз я хочу тебя с новой силой. Ты неопостижима.

– А ты ненасытен, – отозвалась Элоиза.

– И это правда, – согласился он.

– Хватит болтать, – остановила его женщина...

* * *

Солнечный свет проник сквозь оконное стекло, принуждая проснуться. Элоиза заморгала и поморщилась от ослепительной яркости позднего летнего утра.

Маркус, уже одетый, пребывал в нетерпеливом ожидании.

– Который час, если ты уже на ногах? – позевывая и потягиваясь, поинтересовалась она.

– Скоро полдень, – скупое сообщил он.

– Не может быть! – воскликнула Элоиза.

– Может! – сурово ответил мужчина. – Если бы я не отдернул шторы, ты бы проспала до вечера, – укоризненно проговорил он.

– Голова болит, – вяло пожаловалась она, щурясь от солнца.

– Неудивительно, – равнодушно заметил Маркус. – Утром звонила Кэти.

– Что ей надо? – недовольно отозвалась Элоиза.

– Спросила, как ты? Я ответил, что отдыхаешь. Она стала болтать о том, что у нее с Харри тоже давно не было отпуска. Пришлось пригласить их на пару дней. Так что поднимайся, соня. Твои друзья будут здесь после полудня, – проинформировал ее хозяин.

– Миленькое дельце, – проворчала Элоиза, вынужденная подняться.

– Ты что же, не рада? – искренне удивился Маркус. – А я был уверен, что это ты подговорила ее навязаться нам. Только поэтому и пригласил.

Элоиза выпучила на Маркуса сонные глаза.

– Должно быть, ты смеешься надо мной! – воскликнула она и всплеснула руками. – Мне их и дома хватает. Что это за отдых, если они приедут сюда вместе с Фло и Бенджи. Только вокруг них все и будет крутиться. Болтовни, визга не оберешься! – расстроено предвкушала Элоиза.

– Не очень-то ты их жалуешь, – заметил Маркус.

– Есть причины, и тебе они известны, – сдержанно парировала англичанка.

– Нашим отношениям не хватает искренности, – горько резюмировал Маркус.

– Я понимаю, это твой дом, ты здесь хозяин. Но все же как ты мог их пригласить? – с каждой минутой все больше и больше роптала Элоиза.

– Рыжая, – тихо сказал, обняв расстроенную женщину за плечи, Маркус, – это ненадолго. Потерпи. Я знаю, ты справишься.

– Не справлюсь, – капризничала она.

– Справишься, – заверил ее мужчина. – Я еду встречать их в аэропорт. А ты просто жди. Приходи в себя, завтракай, прихорашивайся... Ну, что обычно делают женщины?

– Ревут, – подсказала ему Элоиза.

– А вот этого не нужно, – пресек Маркус. – А то твои друзья подумают, что я тебя здесь мучаю.

– Так и есть, – угрюмо проворчала женщин.

– Не ври, – шутливо пригрозил ей пальцем Маркус. – И угораздило же тебя связаться с этой Кэти! – расстроено воскликнул он и сел на край постели! – Она же как пиявка! Я был уверен, что ты ее об этом попросила, – в очередной раз принялся оправдываться мужчина.

Элоиза невольно рассмеялась, наблюдая его беспомощность.

– Вот видишь, как некоторые женщины умеют добиваться своего, – грустно проговорила она. – Я так не умею.

– И, слава богу, – сказал Маркус, поднимаясь. – Надо ехать. Обещал, значит, должен встретить, – обреченно произнес он. – Я надеялся, будем одни, тихо поженимся, – посетовал он и вышел.

Элоиза еще несколько минут стояла, обомлевшая, посреди комнаты. Она отчетливо слышала его последние слова, но не могла поверить, что он их выговорил.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

– Как? Ты одна? Мы полагали, вы все приедете?! – ошалело глядя на шагающую ему на встречу Кэти, недоумевал Маркус. – Ты оставила Бенджамина дома? Поразительно!

– Ну, я ведь не единственная его родительница. У мальчика есть еще и отец. Фло помогает Харри смотреть за малышом. А я заслужила не много отдыха, – самодовольно объяснила Кэти.

– Согласен... – кивнул Маркус. – Но все же это как-то странно, – промямлил мужчина, взяв у нее багаж. – Элоиза очень удивилась, когда я сказал ей этим утром, что ты собираешься погостить у нас.

– Всего лишь до завтра. Не волнуйся ты так! Не нарушу я вашу идиллию, – дерзко заверила его Кэти.

– Да я, собственно, и не волновался, – промямлил Маркус.

– Просто есть дело, которое я должна обсудить с твоей возлюбленной, – посерьезнев, объявила Кэти. – А по телефону этого делать не следует.

– Звучит интригующе, – заметил Маркус, передавая ее вещи шоферу. – Могу я полюбопытствовать, что это за дело такое?

– Нет, – не раздумывая, категорически ответила она. – Это касается только Элоизы.

– Тебе виднее, – проговорил он и открыл перед Кэти дверцу автомобиля.

– Должна признать, меня удивило то, как стремительно ты с ней сошелся, – сообщила она, когда Маркус занял место возле нее. – Я-то думала, что она до последних дней останется неприступной девой-воительницей. Для меня и Харри это стало настоящим откровением. Мы сразу подумали, что это не иначе как настоящая любовь... А все из-за того злополучного судебного разбирательства, – добавила после некоторой паузы, Кэти. – Собственно, поэтому я и прилетела, – попытожила она.

Маркус не понял ничего из того, что сообщила Кэти, но понимающе кивнул; блефуя. Он мудро решил не задавать уточняющих вопросов, полагая, что болтливая женщина сама все выложит, если будет думать, будто Маркус в курсе.

– Я помню, как ее расстроили и напугали эти грязные письма, которые приходили из тюрьмы. Она правильно сделала, покинув Лондон. Я поняла, в чем причина такой спешки, когда прочла вчерашние газеты...

– Ты когда-нибудь летала на вертолете? – спросил он, когда они остановились возле частно-

го аэродрома.

– Никогда. Но я с удовольствием! – воскликнула Кэти.

– Извини, я тебя перебил. Ты говорила про вчерашние газеты, – схитрив, напомнил ей Маркус. – Элоиза упоминала о... – Мужчина притворился, что запомнил подробности.

– Я говорю о том нападении и попытке изнасилования, – услужливо подсказала ему болтливая женщина. Маркус хмуро кивнул. – Ужасные были времена. Она прекрасно держалась на протяжении всего следствия и судебного процесса. Этого ублюдка осудили на семь лет, а он не просидел и четырех. Его выпустили... Элоиза тебе не сказала? В понедельник. Об этом писали в газетах... Якобы за примерное поведение.

– Этого она мне не сказала, – задумчиво проговорил Маркус.

– Не удивлена. На отдыхе о таком говорить не очень-то приятно. А беспокоиться есть о чем. Когда Рику Притчарду вынесли приговор, он прямо в зале суда стал поносить Элоизу и угрожать, что отомстит ей, когда выйдет на свободу. Он даже написал открытое письмо в газеты, заверяя всех, будто его оклеветали. Не думаю, что ему сложно будет выследить Элоизу, если он задался такой целью... Ой! Чудесный остров! Мы туда летим?

– Да, – сдержанно ответил он в глубокой задумчивости.

– Такой крохотный и такой красивый! – продолжала умиляться Кэти.

– Да-да, – механически отозвался Маркус, все глубже погружаясь в размышления.

* * *

Элоиза расслышала шум приближающегося вертолета и направилась в сторону посадочной площадки. Но перед этим она еще раз внимательно посмотрелась в зеркало.

Она боялась признаться себе, отчего с таким нетерпением ожидала Маркуса, отчего щеки ее пылали и бешено колотилось сердце, отчего глаза горели зеленым пламенем. Но ведь он действительно обмолвился о чем-то очень желанном.

Элоиза не бредила, она явственно слышала его слова насчет женитьбы. Маркус не просил ее руки, не признавался в высоких чувствах, он лишь невзначай проговорился о своих планах, в которые вмешался неожиданный прилет Кэти.

Элоиза бежала ему навстречу. Она стремилась увидеть подтверждение его намерений в словах, поступках, взглядах, прикосновениях. Она боялась ошибиться, однако верила в счастливый финал.

Это для него, своего возлюбленного, она надела сегодня простое, но миленькое платьице цвета мяты, это к нему спешили красивые ноги в изящных сандалиях, закрепленных кожаными ремешками на точеных щиколотках.

Элоиза почти не вспоминала о Кэти, которая должна была приземлиться вместе с Маркусом. Она не задумывалась над тем, какие коррективы внесет в их отношения присутствие подруги. Она даже забыла все свои опасения, связанные с предполагаемым вторжением всего семейства вместе с младенцем и нянькой. Женщина была охвачена внутренним порывом, влекущим ее навстречу Маркусу.

– Фантастика! – воскликнула Кэти, оказавшись на террасе виллы. – Это та самая терраса? – спросила она Элоизу, которая имела неосторожность обмолвиться в доверительном разговоре об обстоятельствах своего знакомства с Маркусом.

– Тебе здесь нравится? – поинтересовалась Элоиза, сделав вид, что не поняла вопроса.

– Очень, особенно тот бассейн! – сообщила Кэти, многозначительно указав вниз.

– Вот и искупаешься в нем, когда отдохнешь с дороги, – предложила Элоиза.

– Вы, девочки, оставайтесь, общайтесь, отдыхайте. А я пойду, мне нужно работать, – объявил Маркус, который со времени своего возвращения избегал смотреть на Элоизу. – Я буду в своем кабинете, – коротко сказал он. – Увидимся за обедом.

* * *

Маркус сосредоточенно слушал, плотно прижав телефонную трубку к уху, после чего распорядился:

– Так вот, подберите мне все материалы по этому делу. Все, что найдете в печати, Интерне-

те. Все! И перешлите мне по факсу и электронной почтой. Поспешите. Я жду, – жестко проговорил он и положил телефонную трубку.

Он посидел за столом, тяжело вдохнул, затем не менее тяжело выдохнул. Ссутулившись, поднялся, стал ходить по комнате в нетерпеливом ожидании известий. Затем вернулся за компьютер и сам принялся искать информацию во всемирной сети.

Маркус нашел упоминания о давнем деле. Он представил себе, как юная Элоиза, хрупкая и беззащитная, возвращалась под вечер домой через городской парк. После игры в теннис. Думала о чем-то своем, о подружках или об учебе, строила планы, просто мечтала или вдыхала вечернюю прохладу.

А в это время грязный и вероломный ублюдок по имени Рик Притчард, который не смог равнодушно пройти мимо, возжелал осквернить ее.

В заметке сообщалось, что, благодаря припозднившейся парочке, которая выгуливала перед сном свою собаку, у Элоизы появился шанс... Очевидцы связались с полицией, девушка была доставлена в больницу для осмотра и составления протокола, который лег в основу уголовного дела.

Нападающий был груб и непременно изнасиловал бы Элоизу. Если бы не счастливая случайность.

Маркус словно очутился в той реальности, хотя не был ни свидетелем событий, ни участником. Он до бешенства ненавидел этого мерзавца, который посмел наброситься на невинное существо. Он страстно желал встретиться с ним лицом к лицу, жестоко избить, обезобразить, изувечить, убить, наконец. По мнению Маркуса, негодяй только этого и заслуживал. Но он также злился и на Элоизу, которая неосмотрительно в одиночестве отправилась в злополучный парк и привлекла, пусть даже неосознанно, внимание этого недочеловека.

Он живо представил иной исход происшествия, допустив в своем воображении, что запоздалая парочка с их собакой не появилась в тот вечер в том уголке парка, что Рiku Притчарду удалось выполнить гнусное намерение. Он с отвращением подумал о том, что девушка, которая тем самым летом отказалась принадлежать ему, могла стать жертвой сексуального насилия...

* * *

– Какая миленькая подушечка, – отозвалась Кэти, утонув в глубоком плетеном кресле на балконе.

Элоиза молча сидела за маленьким столиком в комнате и сосредоточенно глядела перед собой, лишь изредка реагируя на очередное восторженное восклицание Кэти.

– Ты счастливица, Элоиза. Я не устаю тебе это повторять. Только не пойму, ты прикидываешься, будто не сознаешь собственного везения, или и впрямь такая идеалистическая дурочка?

Элоиза подняла на нее напряженный взгляд.

– Зачем ты здесь? – откровенно спросила она.

– Тебе ведь известно, что Рик Притчард был досрочно освобожден? – начала Кэти.

– Известно, – сдержанно ответила Элоиза. – Я прочла в газете. Но какое это имеет отношение к твоему приезду? – добивалась она прямого ответа.

– И ты его совсем не боишься? У тебя нет опасения, что он захочет отомстить тебе? Ты была о тех письмах с угрозами? – недоумевая, вопрошала Кэти.

– Я выгляжу запуганной? – усмехнулась Элоиза. – Я здесь не одна, а с Маркусом. Нас окружают высокие стены и верные служащие. А от Англии нас отделяет еще и океан. И разве не глупо уподобляться пугливому зверьку, когда к твоим услугам все радости мира?

– Это так... – нехотя согласилась Кэти. – Но все же... Харри тоже говорит, что беспокоиться нет причин. Полиции известно об угрозах. А поскольку он освобожден досрочно, то не может покинуть Англию... И Маркус в состоянии позаботиться о тебе. Тем более что он в курсе...

– Как? – взволнованно перебила ее Элоиза. – Ты сказала, Маркус в курсе. Что это значит?

– А... разве ты ему не... Постой... Выходит, я проболталась. А он уверил меня, что знает. Вот хитрец! Ты ему ничего не говорила? – почти возмущенно поинтересовалась Кэти.

Элоиза холодно посмотрела на собеседницу, но ничего не ответила.

– Я не понимаю тебя, подруга, – отозвалась Кэти, не испытывая чувства вины из-за собственной болтливости и неосторожности. – Ты поведешь меня купаться? – задорно спросила она, полагая, что так сменит тему.

Элоиза принялась играть роль радушной хозяйки. Она в течение нескольких часов неустанно выполняла все капризы гостыи, затем, сославшись на то, что должна распорядиться по поводу трапезы, проводила Кэти в комнату для гостей. Та, наконец, согласилась прилечь и отдохнуть.

Освободившись от Кэти, Элоиза робко постучала в дверь кабинета Маркуса, который не показывался все это время.

– Я очень устала, – призналась она, войдя.

– Выпьешь немного бренди? – мягко спросил ее Маркус.

* * *

После ужина, который прошел быстро, поскольку общий разговор не задался, Кэти удалилась к себе, а Маркус, склоняясь над Элоизой, прошептал, почти прошипел:

– Почему ты мне ничего не сказала?

– Но какое это имеет значение? – меланхолично проговорила она, собираясь в ванную. – И Кэти не следовало болтать лишнее. Все в прошлом. Виновный понес свое наказание.

– Кэти думала, что я в курсе. Она посчитала, что у нас доверительные отношения, – укоризненно произнес Маркус. – Мне пришлось поднять архив по этому делу, чтобы не чувствовать себя идиотом.

– Так вот что тебя расстроило! Я не все тебе рассказала, как ты ошибочно полагал, – холодно проговорила англичанка.

– Зачем ты солгала мне? – упрекнул ее он.

– Я не лгала тебе, а лишь умолчала, – уточнила женщина.

– Отнюдь... Ты солгала по поводу твоего шрама на бедре. В полицейском протоколе зафиксировано, что нападающий нанес ножевое ранение.

– Такты идо полицейского досье добрался?! – рассмеялась. Элоиза, но ее поддельная веселость быстро иссякла. – Я не хотела говорить о нападении, когда мы впервые были вместе. И теперь тоже не хочу, – твердо заявила она.

– Но почему? Почему ты скрываешь это от меня? Ты что, боишься меня? – вознегодовал он.

– Не боюсь... Я лишь хочу... Надеюсь, что когда-нибудь смогу забыть это, – тихо призналась она.

– Неужели ты не понимаешь, что не должна была молчать. Знай, я об этом, все сложилось бы иначе, – пытался объяснить Маркус.

– Не понимаю, на что бы это могло повлиять? – пожала плечами женщина.

– На меня, в первую очередь. На то, как я вел себя с тобой.

– Теперь ты готов признать, что повел себя неправильно? Если бы не нападение насильника, то, значит, с моими чувствами можно и не считаться? – со слезами на глазах проговорила Элоиза.

– Не надо так, милая. Я вовсе не это хотел сказать, – пробормотал он.

– А что тогда?

– Сам еще не знаю, – признался Маркус.

– Забудь... Давай оставим эту тему, – устало предложила она.

– Но как я могу об этом забыть, Элоиза?! – вновь вспыхнул он. – Какой-то мерзавец смел прикасаться к тебе, принуждать к близости, угрожая ножом. Он ранил тебя. Я зол. Я зол на него, на тебя, на себя. Я зол на весь мир! А хуже всего то, что я такой же, как и этот негодяй. Я принудил тебя быть со мной, и ты мне позволила. И я не знаю, как мне теперь с этим жить.

Элоиза тревожно посмотрела на него. Маркус спрятал глаза. Женщина попыталась коснуться его руки, но он отдернул руку.

– Хорошо... – спокойно подытожила она. – Кэти улетает завтра. Я лечу вместе с ней... Что же касается тех денег, которые я, по твоему мнению, должна твоей семье...

– Ты ничего мне не должна, – резко перебил ее Маркус. – Харри сказал мне, что деньги, вложенные в дело, ты унаследовала от своих дедушки и бабушки.

– Я с самого начала говорила тебе о том, что деньги Тео не имеют к этому отношения, – заметила она.

– И ты полетишь в Лондон? – недоверчиво спросил он.

– А куда мне еще лететь? – удивилась Элоиза.

– Но ты, как я понял после разговора с Кэти, согласилась отправиться сюда вместе со мной

только потому, что прочла статью о досрочном освобождении этого недоноска!

– Прятаться ото всех для меня неприемлемо, – проговорила Элоиза.

– Тогда прекрати прятаться от меня, Элоиза, – нежно попросил ее Маркус. – Я не отпущу тебя, потому что и минуты не смогу прожить, гадая, не обидел ли тебя кто-нибудь.

– С чего бы это? – скептически поинтересовалась она.

– Ты же знаешь, как я люблю тебя, – прошептал Маркус.

– Откуда мне это знать?

– Я очень сожалею, что был груб с тобой, что невольно, да и нарочно ранил твои чувства. Я принуждал тебя, пренебрегал твоими доводами, подозревал и наказывал. Я виноват перед тобой. Но хочу все исправить. Я буду заботиться о тебе, Элоиза. Ты такая хрупкая, а я был легкомысленным... жестоким...

– Ты, правда, любишь меня? – все еще не веря, прошептала она.

– Элоиза, мне жаль, что я такой глупец.

– Перестань сожалеть, – улыбнулась она. – Просто чаще повторяй, что любишь.

– Люблю... И убью этого негодяя, когда он попадется на моем пути! – страстно пообещал мужчина.

– А ты можешь больше не вспоминать о нем? – смеясь, спросила Элоиза.

– Только если ты выйдешь за меня, – поста вил он очередное условие.

– Я подумаю об этом, – сдержанно ответила она и потянулась к его губам.

– Поговорим сначала, – остановил ее Маркус.

Он сделался серьезным и указал Элоизе на край кровати.

Она послушно села и приготовилась слушать. Маркус откашлялся и начал:

– Когда погиб Тео, я изучил его финансовые документы. Нашел непонятный договор, что показывал тебе в Париже. Это навело меня на вполне определенную мысль, которую я и высказал. Тогда я решил нанять детектива, чтобы он нашел мне Хлою Бейкер. Дал ему ориентировочные сведения, о тебе в том числе... – Проговорив это, Маркус вздохнул и внимательно посмотрел на Элоизу терпеливо ожидавшую продолжения. – Через некоторое время детектив связался со мной и рассказал, что женщина, которую я разыскивал, умерла. Но другая, что звалась сестрой, в действительности, ни кто иная, как ее дочь. Я был заинтригован и затребовал у детектива исчерпывающие сведения о тебе. Об образе жизни, круге общения, об интересах, работе... В общем, обо всем. И был заинтригован еще больше, когда мне показалось, что ты не ведешь светский образ жизни, обычный для такой успешной женщины. Сам не знаю, почему меня это так насторожило. Возможно, именно зловещее сочетание лжи, неясности и подозрения заставило меня по-иному взглянуть на неутраченную боль после твоего исчезновения. Я был уверен, что ты пренебрегла мною, бесследно исчезнув тогда и не оставив адреса. Я был разочарован, оскорблен, зол... И этот договор, который откровенно указывал на шантаж со стороны твоей матери... То, что ты теперь являешься совладелицей фирмы... Твое знакомство с этим американцем заставляло думать, что ты пошла по стопам Хлои. Я был полон решимости покарать тебя за это... Зная все, я понимаю, насколько был не прав. Но предубеждение не позволяло мне осознать это прежде.

– Я говорила тебе... – грустно напомнила Элоиза.

– Да, все верно. Ты говорила, а я не слышал... Но больше никаких секретов! – потребовал он.

– Я постараюсь, – кивнула она в ответ, с трудом скрывая восторг.

– Ты выйдешь за меня? – прямо спросил Маркус.

– Мой ответ – «да»! – серьезно проговорила Элоиза.

ЭПИЛОГ

Кэти привычно устроилась на бамбуковом диванчике террасы, со всех сторон обложившись подушками.

– Подай мне мой бокал, пожалуйста, Харри... Благословенные выходные, – с наслаждением констатировала она, обращаясь к супругу, который энергично тряс шейкер.

– На что ты там налегаешь, Кэти? – поинтересовалась Элоиза.

– Джин с тоником, – ответила та.

Элоиза понимающе кивнула.

– Держи, дорогая, – протянул ей бокал Харри. – А вам что смешать? – услужливо проговорил он, повернувшись к Маркусу и Элоизе.

– Что-нибудь посерьезнее. Полагаюсь на твой вкус, маэстро, – вальяжно разрешил Маркус, который без раздумий предоставил Харри все резервы своего бара, поскольку знал его как большого специалиста по смешиванию коктейлей. – Теперь, когда маленький чертенок Бенджи спит, можно было бы не ограничиваться джином с тоником, – обратился он к Кэти.

– Предпочитаю оставаться хорошей девочкой, – сообщила та.

– Рика Притчарда снова водворили в тюрьму, – заметил Харри, взбалтывая очередную порцию горячительного. – Читали?

– Нет, – отозвалась Элоиза.

– Полез в драку в пабе Дувра... Нарушил все возможные запреты для досрочно освобожденных – и поплатился.

– Очень рад, что награда нашла героя! – воскликнул Маркус и обнял Элоизу.

– Ты знал об этом, – предположила она, внимательно посмотрев на Маркуса.

Маркус явно гордился собой.

– Ты подстроил так, чтобы его вновь засади ли. Я права? – требовательно спросила женщина.

– Этого мы никогда не узнаем, – заинтриговал ее он. – Скажу лишь, что умер бы, если бы потерял тебя вновь.

Файл: Жаклин Бэрд - Ювелирная работа
Каталог: I:\HARLEQUIN
Шаблон: C:\Documents and Settings\Admin\Application
Data\Microsoft\Шаблоны\Normal.dot
Заголовок: Ювелирная работа
Содержание:
Автор: Жаклин Бэрд
Ключевые слова:
Заметки:
Дата создания: 09.09.2011 0:22:00
Число сохранений: 2
Дата сохранения: 09.09.2011 0:23:00
Сохранил: *****
Полное время правки: 1 мин.
Дата печати: 09.09.2011 0:56:00
При последней печати
 страниц: 49
 слов: 25 241 (прибл.)
 знаков: 143 879 (прибл.)